

Михаил Каюрин

Остров дьволов. Часть 1.

18+

Михаил Александрович Каюрин

Остров дьволов. Часть 1.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39143552

SelfPub; 2024

Аннотация

Смертельно больной Алексей Кедров отправляется к загадочному старцу, от которого узнаёт, что является земным человеком лишь наполовину. После излечения ему предписано возглавить лабораторию по проведению опытов над людьми. Исчезновением Кедрова заинтересовались сотрудники ФСБ. Следы поиска приводят к таинственной подземной базе. Начинается противоборство с обитателями острова, владеющих инопланетным вооружением. От исхода схватки зависит судьба человечества...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	21
Глава 4	32
Глава 5	38
Глава 6	41
Глава 7	58
Глава 8	66
Глава 9	81
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Михаил Каюрин

Остров дьволов. Часть 1.

Глава 1

Под игом болезни.

Город словно устал за зиму от жгучих морозов и, обрадовавшись приходу весны, веселел на глазах. Звенели капли, быстро таял снег, обнажалась прошлогодняя грязь дорог и тротуаров. Едва прогретые пригорки торопливо покрывались цветами мать-и-мачехи. Вызывающе-желтые пуговики-чародейки притягивали взгляды прохожих, их лица светлели и расплывались в улыбке. С неукоснительным исполнением небесного сценария весна брала своё.

На третий день после праздника Победы небо покрылось латками кучевых облаков. Они сгущались, и ближе к вечеру сделалось сумрачно. На южном склоне горизонта появилась черная туча. Она тащилась медленно, запугивая людей ослепительными вспышками молнии. Когда густая тёмная масса заволокла большую часть неба, послышался гром. Первые раскаты были негромкими, как бы предупредительными, зато от последующих, в окнах домов задребезжали стёкла. В одно мгновение стало темно и тут же, почти без промедле-

ния очумело хлынул дождь.

Алексей Кедров стоял у распахнутого окна и с безучастным видом наблюдал за происходящим. Сегодня утром, после безоговорочной капитуляции врача-онколога, его выписали из больницы. Полтора месяца старенькая однокомнатная квартира пустовала, покрывалась пылью, обрастала по углам паутиной, а он, её хозяин, всё это время валялся на больничной койке.

Развлечений в палате не существовало. Люди хирели от безделья, пухли от сна, покидая постель только по нужде. Сонное царство и отсутствие досуга не раздражали Алексея, с этим обстоятельством он сумел смириться. Особое недовольство вызывали бесконечные анализы и обследования, результаты которых не оглашались.

Зачем, спрашивается, лицемерить и скрывать диагноз, называя раковую опухоль доброкачественной? Вполне понятно, что долг врача – лечить, для того он и состоит в штате клиники. Но пациенты все разные и, вероятно, должно быть исключение из правил. Это логично. Не всегда скрытая правда является единственной возможностью сохранения психического равновесия. Зачем лгать, к примеру, людям, прошедшим огонь, воду и медные трубы? Зачем обманывать его, офицера ГРУ в запасе, избородившего горы Афганистана вдоль и поперёк, которому не раз приходилось заглядывать в глаза бледнолицей стерве с косой?

Впрочем, диагноз себе Алексей поставил самостоятельно

ещё неделю назад, когда надумал сбрить бороду. Он заглянул в зеркало и поморщился, увидев своё отображение. «Не тянет моя болячка на доброкачественную опухоль, Иван Александрович, – мысленно изрёк он, обращаясь к лечащему врачу. – Другим недугом попахивает».

Из зазеркалья на Алексея смотрел совсем незнакомый человек. Разглядывание продолжалось недолго, острый глаз выхватил все изменения мгновенно. Лицо уже не дышало здоровьем, как прежде, кожа приняла землистый оттенок, а карие глаза с чистыми белками неузнаваемо потускнели, будто запылились, и глубоко запали в глазницах. Оценив свою наружность на три с минусом, Алексей не запаниковал. Выдержка и хладнокровие в очередной раз взяли верх. Он тихо спросил виртуального двойника:

– Как думаешь, брат, сколько мне ещё отмерено? Месяц, два, три?

Немой двойник перестал шевелить губами и пристально смотрел из недостижимого мира. Вымученно улыбнувшись, Алексей вернулся в палату.

Вчера утром, как обычно, был обход. Иван Александрович подошёл к кровати Кедрова, присел на край. Панцирная сетка встрепенулась и жалобно всплакнула.

– Что за печаль? Почему лицо постное? – спросил он, подбросив вопрос-болванку для зацепки к беседе.

Чаще всего больные поддаются на такую уловку, начинают откровенничать. Кто-то принимается ныть или жаловаться,

кто-то в подробностях описывает появившиеся боли, недомогания, отсутствие аппетита и много другое.

Иван Александрович был из разряда тех врачей, которые искренне разделяют страдания пациентов и всячески стараются им помочь, пусть даже в виде словесных пилюль. Он внимательно выслушивал каждого, одобрительно кивал, успокаивал, если требовалось, оказывал посильную помощь. Пообещав скорого выздоровления, с весёлой улыбкой покидал палату. Психологический манёвр оттачивался годами и приносил определённый успех: обречённые на смерть больные начинали верить в чудо, настроение их повышалось.

Алексей не клюнул на наживку врача. С его стороны не последовало ответа, лишь в уголках губ промелькнула усмешка.

– Может быть, сестра не уделяет должного внимания? – продолжил допытываться Иван Александрович, разыгрывая очередную карту. – Знаю я Веруньку, хорошо изучил её взбалмошный характер. Бывает, не выдержит, вспылит, а потом переживаний хватает на весь день. Молодая девица, что с неё взять?

Он по-отечески ласково засмеялся.

Игра в молчанку не получалась. Алексей понял, что без собеседования не обойтись. Разговор с доктором начистоту был необходим и созрел в нём с каждым днём, и вот сейчас, очевидно, сам Бог подталкивал его реализовать замысел.

– Причина не в сестричке вовсе, – медленно проговорил Кедров. – Наоборот, девушка мила и расторопна, винить её в чём-то нет оснований.

Алексей сознавал, что поступает бестактно, но желание поскорее выбраться из больничной ловушки заставляло его высказать всё, что вынашивалось в голове в последнее время.

Он наклонился к доктору и, чтобы разговор не дошёл до посторонних ушей, продолжил шёпотом:

– Вся причина кроется в вас, Иван Александрович.

– Во мне? – На лице врача появилось неподдельное удивление. – Чем же я омрачил вас?

– Долгим и упорным молчанием, – не церемонясь, высказался Алексей. – Больше месяца я провалялся на этой койке. Безропотно следовал всем вашим советам, принимал процедуры, сдавал анализы, глотал лекарства, и что? Где результат? Высох, как осенний лист. Если уж полная безнадёга – скажите об этом честно. Зачем лицемерить? Зачем держать меня в заточении?

Иван Александрович от неожиданности растерялся. Потом, придя в норму, нахмурил брови, и, судя по всему, принялся мысленно подбирать слова для ответа. Прошло не меньше минуты, прежде чем он собрался с мыслями.

– Понимаешь, Алексей, в твоей болезни не всё так просто... – врач коротко вздохнул. Слова оправдания застредали у него в горле – врать Иван Александрович не умел. –

Клятва Гиппократа не даёт мне права раскрывать врачебную тайну.

– Зато я не стеснён обязательствами и могу раскрыть всю правду. Хотите, я помогу вам поставить диагноз?

Алексей улыбался. Его рука ушла под подушку. Через секунду перед глазами врача предстала медицинская энциклопедия, в нужном месте торчала закладка.

– Прочитать? – в выцветших глазах Кедрова мелькнул азарт.

– Эх, пряткий какой! – рассердился Иван Александрович. – За месяц успел получить медицинское образование! Может быть, и я тебе больше не нужен?

– В самую точку попали, Иван Александрович. В ваших услугах я больше не нуждаюсь. Болезнь мне известна, помирать буду дома. Надо полагать, мы поняли друг друга?

Врач молчал.

– Выписывайте меня прямо сейчас, – напористо потребовал Алексей.

Нескольких секунд доктору было вполне достаточно, чтобы определить: решение продумано. На лице больного ни тени страха, ни малейшего отражения паники или отчаяния, совершенно трезвая оценка положения. Иван Александрович вновь пришёл в замешательство. Пока он размышлял, как поступить, Алексей добавил для убедительности:

– Для исцеления остался только один шанс – народные средства. Я должен им воспользоваться. Никакая химиоте-

рапия мне уже не поможет, и вы это прекрасно знаете.

– Ты поступаешь опрометчиво, – с огорчением проговорил доктор. В его голосе улавливались скрытые нотки протеста.

– У меня было достаточно времени, чтобы всё обдумать. В конце концов, жизнь моя и только я вправе распоряжаться ею.

Иван Александрович шумно засопел, сдерживая в себе крайнее неудовольствие.

– Очень скоро у тебя начнутся мучительные боли, без моей помощи тебе не обойтись, – промолвил он скорее для самооправдания, нежели для укрепления своей правоты.

– Не беспокойтесь, доктор, за морфием не приползу, – глаза Кедрова сузились, в них вспыхнул огонь победы.

Минут пять Иван Александрович говорил на нейтральные темы, потом встал и, пообещав распорядиться насчёт выписки, тихо удалился. Так Алексей покинул осточертевшую палату.

Ливень продолжался недолго. Стремительно излившись, облежённная туча незамедлительно укатила за горизонт. Алексей долго ещё стоял у раскрытого окна, до тех пор, пока не наступил вечер, пока на улице не стало смеркаться. Всё стоял и думал. Стёкла противоположного дома, недавно горевшие золотом угасающего солнца, быстро потухли, будто чья-то невидимая рука надавила на клавишу таинственного выключателя. Глазницы окон то тут, то там стали заполнять-

ся уже другим светом – люди зажигали люстры. Увлажнённый дождем воздух успел охладиться, с улицы потянуло сыростью.

Алексей закрыл окно и прошёл в комнату. Остановившись в раздумье посередине, взял со стола пульт и включил телевизор, после чего плюхнулся в кресло. Сложившаяся ситуация требовала осмысления. Алексей был уверен, что полностью контролирует себя, однако мрачные мысли, всё-таки, не покидали его. Где-то глубоко внутри появился необычный холодок.

«Как же так, – думалось ему, – пришла весна, всё вокруг воспрянуло к жизни, цветёт, наливается соком, благоухает, а мне, почему-то, именно в эту пору суждено безвозвратно покинуть такой прекрасный мир, уйти из него навсегда. Почему? Кто управляет всем этим? По какому принципу? Кто отмерил мне время пребывания на Земле? Ещё недавно жизнь летела, словно иномарка на скоростной автостраде, и вдруг совсем неожиданно жизнь-авто резко взвизгнула тормозами и зависла над пропастью. Всё, путь закончен, впереди непреодолимое препятствие».

Усилием воли Алексей заставил себя отбросить мрачные мысли, которые вызывали противные ощущения под ложечкой. В этот момент ему казалось, будто душа заполнялась вакуумом. Взглянув на экран телевизора, он попытался сосредоточиться на новостях. Известный телеведущий беззвучно шевелил губами. Алексей вспомнил, что звук пропал

как раз перед уходом в больницу. На секунду у него появилось желание швырнуть пульт на пол и выдернуть шнур из розетки. Но он не успел этого сделать. Порыв сильного раздражения остановили десантники, появившиеся на экране. Показывали родное Рязанское училище. Курсанты отрабатывали приёмы рукопашного боя.

Когда-то Алексей с большим трудом преодолел его стены. Конкурс был большой, и даже хорошие оценки, полученные на вступительных экзаменах, не давали гарантии на успех. Конкурсная комиссия тогда, по всей вероятности, на чашу весов поставила детдом, в котором продолжал воспитываться Алексей. Его зачислили. Потом была учёба, были друзья. Алексей мысленно перенёсся в годы учёбы. В памяти всплыло одно из увольнений в город...

...Стоял пышущий зноем июль. Закончилась летняя сессия, и через пару дней курсантам предстояло отбыть в летние лагеря. Алексею и двум его однокашникам удалось вырваться в увольнение. Город плавился под лучами палящего солнца. Изнывая от жары, друзья приземлились на скамейку в тени развесистого дерева. Хотелось пить.

– Эх, пивка бы сейчас! – мечтательно протянул Витька Грачёв. Сощуриив один глаз, он посмотрел на друзей и сглотнул загустевшую слюну.

– Ага, из холодильника, – согласился Сергей Кряжев, представив на миг в руках запотевшую бутылку «Жигулёвского».

– Ша, мужики, ваше желание вполне может материализоваться, – Алексей кивком головы указал на парня с бутылкой в руке. – Где-то же он добыл свой пузырёк?

– Эй, друган, где брал напиток? – громко спросил Грач, когда парень поравнялся с их скамейкой.

Обладатель пива с ответом не спешил. Он вызывающе приложился к горлышку, его кадык заворачивающе дернулся несколько раз.

– Ты что, немой? – не выдержал Грач и угрожающе привстал.

Уловив в глазах крепких десантников грозный блеск, щуплый очкарик скороговоркой отрапортовал о местонахождении торговой точки.

Через полчаса распаренные жарой курсанты с неопишным наслаждением посасывали пиво. Им было хорошо. Мир казался прекрасным и удивительным, а мысль о военном патруле они выбросили из головы. Мимо проходили люди, они улыбались, шутили и, если бы вдруг в толпе замелькала повязка патруля, несомненно, предупредили бы курсантов об опасности. Друзья сидели и балагурили, наслаждаясь гражданкой.

Впереди показалась пожилая цыганка в окружении оравы цыганят. Приблизившись к десанникам, она остановилась. Чёрные глаза с лилово-красной поволокой остановились на Кряже.

– Давай, дорогой, погадаю тебе, – цыганка схватила Сер-

гея за руку. – Расскажу всю правду, ничего не утаю.

– Отвяжись, худая жизнь! – Кряж отдернул руку. – Без тебя знаю, что ждёт меня впереди.

– Погоди, Серый, не спеши. – Грач вскочил со скамейки. – Погадай мне, – обратился он к гадалке. В его руке лежал рубль.

– Хочу знать, когда в моё сердце вонзится стрела Амура. Только давай без лишних слов о дальней дороге, говори кратко.

Цыганка выкрикнула что-то на своем языке, и черномазая ребятня отскочила в сторону.

– Дай твою руку, – попросила она Виктора.

Тот безропотно повиновался. Глаза гадалки заходили по ладони Грача, беззвучно зашевелились губы. Неожиданно она отбросила руку Виктора.

– Возьми деньги назад, – потребовала цыганка. – Гадать тебе я не буду.

– Как не будешь? – обиделся Витька. – Ему будешь, мне не будешь. Ты что, гадаешь выборочно или врать совестишься?

– Негоже так говорить со старой цыганкой, – послышался укоризненный ответ. – Я предсказывала судьбы многим людям и не ошиблась ни разу.

– Так в чём же дело? Гадай! – не унимался Витька. – Или тебе рубля мало? На, возьми ещё один. – Грач протянул гадалке заваливающуюся в кармане мятую купюру.

– Убери, – приказала цыганка.

О чём-то поразмыслив, она вновь взяла Витькину руку.

– Не гневайся, красавец, но судьба у тебя незавидная. Загадывается в тебе болезнь тяжёлая, но умрешь ты не от неё, а из-за неё, и случится это ровно через три года.

Витька смеялся, отпускал реплики и, естественно, не верил ни единому слову гадалки. Пиво «Мартовское» сделало своё дело. Друзья вошли в азарт и настояли на гадании каждому из них. Глядя на захмелевших парней, цыганка больше не противилась. Кряжу она предсказала повстречать кончину вдали от Родины, где-то среди азиатских гор. Назвала и дату смерти. Наконец очередь дошла до Алексея. Когда цыганка взяла его руку, их глаза встретились. Весёлые, карие Алексея и чёрные, как ночная бездна, пронзительные и жгучие – её, предсказательницы судьбы. Гадалка некоторое время сверлила Алексея глазами-буравчиками, потом её взгляд затуманился, перешёл в фазу некоей отрешённости. Она смотрела на парня и не видела его. Казалось, цыганка окаменела, и дух её в это время витал где-то далеко за пределами Земли. Выйдя из транса, произнесла:

– У тебя хорошая судьба. Жизнь ты свяжешь с Богом, будешь служить апостолом. Твой земной путь помечен прерывистой линией – несколько раз ты умрёшь и воскреснешь.

Цыганка резко повернулась и ушла, забрав своих немых цыганят. Они подняли невообразимый гвалт, который навсегда поселился в лабиринтах мозга.

В тот душный день друзья благополучно допили пиво и

вернулись в казарму. Через сутки весь личный состав отбыл в летние лагеря, и они забыли о предсказаниях чокнутой цыганки.

Первое предсказание сбылось на пятом курсе, ровно через три года после памятного увольнения. Витька Грачёв внезапно заболел. Врачебная комиссия определила прогрессирующее заболевание мозга. Его комиссовали и отчислили из училища. Родители расстарались и нашли в Москве какое-то медицинское светило. Витька отправился в столицу. К тому времени у него появились периодические головокружения. Остановившись в гостинице, он почувствовал себя плохо и решил открыть окно. Голова закружилась, Витьку качнуло. Для его роста подоконник был низким, и Витька выпал из окна. На похоронах Алексей и Сергей ни словом не обмолвились о встрече с гадалкой, но мысленно каждый для себя сделал первую зарубку.

Прошло несколько лет, молодые офицеры оказались в Афганистане. Сергей Кряжев шёл с дозором и напоролся на засаду. Умер на руках Алексея. Умирая, успел прошептать:

– Права оказалась... шельма. Всё сошлось... год в год. А ты, Лёха... живи, тебе ещё предстоит... работа апостола...

Глава 2

В поисках выхода

Алексей очнулся от воспоминаний. «Видно настал и мой черёд, – невесело подумалось ему. – Но что за линии, о которых упоминала гадалка?»

Он вытянул ладонь, приблизил к настольной лампе, нашёл линию жизни. Действительно, она прерывалась два раза.

«Умру и воскресну? Чушь собачья! Такого не может быть! – Алексей со злостью ввинтил сигарету в пепельницу. – Всё, шабаш, пора спать».

Он разделся, аккуратно повесил одежду на спинку стула, выключил немой телевизор и лёг в постель. Сон не шёл. Мысли вертелись в голове, обгоняя одна другую. Где-то глубоко под сердцем появилось знакомое тоскливо-мучительное ощущение. Оно выкатывало ниоткуда и появлялось каждый раз, когда впереди была неопределённость. Исчезало так же внезапно, сразу, как только находился выход, и принималось решение. Сегодня он принял решение – покинул больницу. А что дальше, где найти выход? Болезнь не рассосётся сама по себе, нужно бороться. Нужен целитель, но где его найти? И тут Алексея осенило.

«Есть ниточка, есть зацепочка! – мелькнуло в голове. – За неё следует ухватиться!»

Несколько лет назад охотничья судьба занесла Кедрова в глухомань на реке Вишере. Там, у ночного костра, он и услышал местное предание о загадочном старике, якобы обитающем где-то среди бескрайних Чердынских болот. Сколько лет этому лешему – никто не знал, но как заверяли охотники, с ним встречались лицом к лицу их отцы и даже деды, когда были ещё пацанами.

– Как он выглядит? – не удержался тогда Алексей от вопроса, надеясь, что охотники не смогут описать внешность старика и таким образом он уличит их в выдумке. Но охотники обрисовали таинственного обитателя болот с такими подробностями, что усомниться в правдивости рассказа не приходилось.

– Может, это снежный человек? – не унимаясь, допытывался Алексей.

– Скажешь тоже, Васильич. Про снежного человека мы знаем. Он и ростом выше, и шерстью покрыт с ног до головы. Одним словом – обезьяна, только разуму чуть поболе. А этот – человек, в одежде ходит. Он у нас за тайного лекаря, – ответил самый словоохотливый таёжник по имени Гаврила.

– Как это понимать? – удивился Алексей.

– Всё очень просто. Здесь, в тайге, врачей отродясь не бывало. Заболеет человек ненароком, запустит болезнь и остаётся ему только заживо в гроб ложиться, да ждать кончины. Вот родственники от безысходности и стали подкидывать доходяг лешему.

– И что, вылечивал?

– А ты думал! – вступил в разговор угрюмый Матвей, по кличке Стержень. – Взять хотя бы Петьку Желудочника. Хворь одолела его так, что он мог только лежать, не ел уже – не мог. Скажи, Гаврила, так было?

– Ну, весь посёлок знает, – засвидетельствовал с солидностью Гаврила.

– Так вот, все думали, помрёт вскорости наш Желудочник и унесём мы несчастного на погост. А он возьми и выздоровей. Когда стало ему совсем худо – попросил отвезти на болото, к Лешему значит. Как тут не исполнить последнее желание умирающего? Загрузили мы его в лодку и доставили в верховье Чудовы – там видели старика. Оставили одного, сами домой вернулись. Через три дня приехали за ним, а Петька уже сидит на берегу, нас дожидается, стало быть. Самостоятельно допёр до Чудовы. Так-то вот, Васильич.

– Правда, Желудочник не мог вспомнить, как всё происходило – память отшибло напрочь, – добавил напоследок Гаврила.

Как бы убедительно не выглядела тогда услышанная история, Алексей всё равно не поверил в неё, посчитал обычной охотничьей байкой. Сегодня память сработала идеально: из глубины мозга всплыла информация трехлетней давности и заставила Алексея серьёзно задуматься.

«Не всё ли равно, где помирать, – рассудил он, – На природе, у реки даже лучше. Можно выть от боли, сколько душа

попросит, никто не укорит, не помешает. Подговорю мужиков, оттащат по реке до болот. Вдруг то, о чём они рассказывали – правда? Значит, шанс есть, и им нужно воспользоваться».

На душе посветлело. Сосущее ощущение стало отступать и вскоре исчезло. Алексей повернулся на правый бок. Мысли вновь унесли его в тот день, когда он повстречался с цыганкой. В ушах прозвучал её голос.

– Твой земной путь помечен прерывистой линией – несколько раз ты умрёшь и воскреснешь.

«Хм-м, а может быть, права старая плутовка? – задался он вопросом. – Там, в Афгане, я действительно воскресал».

Перед глазами поплыли давние роковые события...

Глава 3

Загадочное спасение.

... В тот день начальник разведки капитан Порошин вызвал к себе Алексея Кедрова и поставил перед ним задачу.

– Вот здесь, Лёха, – он ткнул пальцем в карту северо-восточнее Асадабада, – творится что-то таинственное. В последнее время не наблюдается даже перемещение местных жителей. Есть предположение, что «духи» задумали оборудовать укрепрайон. Не скрою, этим заинтересовались «наверху». Назавтра я заказал тебе «вертушку». Возьмешь бойцов, выполнишь облёт территории. Сделай снимков как можно больше, потом мы их дешифруем.

– Ясно, товарищ капитан, – привычно ответил Алексей и стал готовиться к вылету.

В Афганистане он находился больше года и вылет с дозорной группой был для него делом привычным. Это лучше, чем идти в засаду на караван или на зачистку кишлака.

«Интересно, кого из лётчиков выделяют на этот раз?» – подумал Алексей.

Он хорошо знал лётный состав и характеристики вертолётчиков. Лучшей кандидатурой был, конечно, Костя Канаркин на МИ-8. Лётчик с понятием. Худший вариант – МИ-24 с кре-

тином Васильченко. Но, как говорили тогда в Афгане, летчиков, как папу с мамой, не выбирают – что достанется.

Утром Алексей прибыл на аэродром, как и полагается, за полчаса до вылета. Ему назвали ведущий борт и он, матюгнувшись про себя, направился к Васильченко.

– Здорово, Андреич, – поприветствовал он командира двадцать четвёрки.

– Здоровее видали, – отрыгнул угрюмый Васильченко. – Залезай, поехали.

– Не спеши, командир, надо уточнить маршрут. Смотри сюда, – Алексей разложил карту.

– На пути две позиции ПВО «духов». Придётся задрать нос до 2500 метров вот на этих участках, – Кедров показал позиции моджахедов. – Потом падаем на «бреющий» и идём по ущелью. Главная задача – разведка района. Если обнаружим транспорт – бьём только на обратном пути. Всё понял, Андреич?

– Не бери меня на «понял», понял? Молод ещё командовать.

Посопев с минуту, лётчик недовольно буркнул:

– Сегодня идём в одиночку – ведомого не дали. Понял, разведка?

Алексей промолчал. Задираться перед полётом не хотелось. Васильченко был тяжёлым человеком. Он никогда не хотел понимать, что требует от него командир разведгруппы. Для этого лётчика главное – «повозить» спецназ. «Пово-

зять» без выкрутасов, без самодеятельности, без нарушений инструкций и наставлений. Алексей делал облёт территории с Васильченко не один раз и знал: спорить с капитаном бесполезно.

– Тёмный ты человек, Андреич, – миролюбиво высказался Кедров. – У тебя на уме одни инструкции. Если их придерживаться – можно не отрываться от взлётной полосы весь срок.

– Не пытайся промывать мне мозги. Залазь на борт со своей бандой, пока я не передумал вас «повозить». Без ведомого могу и отказаться.

Алексей не стал учить капитана уму разуму и занял место в кабине пилота. Разведчики расположились у блистеров. Васильченко, определив курс, поднял вертолёт в воздух и начал движение. Думать о том, что лётчик позволит себе отклониться от маршрута, было напрасно. Васильченко не из тех лётчиков, которые в интересах разведки могут вильнуть немного вправо или влево, или же выполнить лишний манёвр. Он до ужаса боялся каких-либо обвинений в свой адрес.

Впереди располагалась первая позиция ПВО «духов», Васильченко стремительно набрал высоту.

– Что, Андреич, побздёхиваешь? – прокричал Алексей и, не дождавшись ответа, сказал себе под нос:

– Ну, и правильно, зачем лезть под огонь?

На предельной высоте трудно было что-либо разглядеть,

и Алексей взял бинокль. По дороге мчался клубок пыли, Алексей взял его под наблюдение. Внезапно кабина озарилась ярко-серебристым светом.

– Твою мать! – выругался Кедров и отбросил бинокль.

Первое, что пришло ему в голову – снаряды душманов каким-то непостижимым образом достигли борта. В следующий момент он понял, что ошибся. Параллельным курсом с такой же скоростью двигался большой светящийся шар. В кабине запахло гарью, стрелки приборов хаотично запрыгали, в шлемофоне послышался треск.

– Андреич, что за хренотень! – заорал Алексей. – Откуда появилась эта уродина?!

Васильченко не отвечал и впервые за всю лётную практику, вопреки инструкциям, принялся выписывать кренделя. Он бросал вертолёт то вправо, то влево, до предела задирали нос, рискуя обрубить винтом хвостовую балку. Но шар словно приклеился. Алексей почувствовал, как стали неметь руки, затем всё тело. И вдруг шар как будто ударился о невидимую стену, отскочил под прямым углом и исчез. Вертолёт затрясло, он получил запредельный крен и начал падать.

Алексея швырнуло в сторону, он потерял сознание. Очнулся на склоне холма. Голова гудела и раскалывалась на части. Мышцы свело судорогой, пальцы рук едва шевелились. Потом снова был провал в памяти. Сколько прошло времени, прежде чем он очнулся вновь, определить было невозможно. На сей раз тело стало управляемым, Алексей с боль-

шим трудом поднялся на ноги. Оглянулся по сторонам и увидел невдалеке разбросанные обломки МИ-24. Ни трупов, ни фрагментов тел поблизости не разглядел.

«Где Андреич, где мои бойцы? – неторопливо образовалась первая вялая мысль. – Может быть, все они живы и, посчитав меня мёртвым, спешно покинули место падения? Если так, должны остаться следы».

С трудом передвигая ногами, Алексей пошёл по кругу. Тело было словно чужим, невыносимо болела голова. В черепную коробку, казалось, кто-то закачал жидкость и мозг, подобно мячу, свободно плавал в ней, ударяясь о стенки при каждом шаге. Алексей останавливался, делал передышку. Тело качалось из стороны в сторону, он шёл как пьяный. Руки непроизвольно охватили голову, создавалась иллюзорная надежда на облегчение мук.

«Отключился мозжечок, – посетила нелепая мысль и ещё одна, – А что, если этот кусок серого вещества никогда не включится?»

Он шёл и озирался по сторонам. Никого. Алексей понял, что остался один. Светило солнце, блестел песок, ласково поддувал слабый ветерок, сочившийся с гор. Выбрав направление, Кедров пошёл медленно по ущелью, придерживаясь русла пересохшей речки. Наступило некое забытье, около получаса он передвигался, как робот. Постепенно боль утихла. Тропа, по которой двигался Кедров, внезапно пропала. Её пересекал не то карьер, не то обычный овраг с круты-

ми каменистыми краями. Пришлось осторожно спускаться вниз.

Алексей с большим трудом преодолел препятствие и уже вскарабкался по противоположному склону наверх, как вдруг перед ним появились душманы. Их было пятеро, они стояли на краю обрыва. Не раздумывая, Алексей рванул за халат крайнего и вместе с ним скатился обратно вниз. На дне оврага завязалась борьба. Афганец оказался силён, ослабевшему Алексею потребовалось невероятных усилий, чтобы прижать его к земле. Из сдавленного горла вырвался хрип. Кедров сумел выхватить нож и нанёс «духу» удар в грудь. Тот дёрнулся и затих. Как только Алексей приподнялся – раздался выстрел. Пуля обожгла плечо.

– Вашу мать! – выругался Алексей и бросился за валун.

Следом брызнула автоматная очередь, и ещё одна пуля впиалась в ногу. Алексей упал и потерял сознание. Когда очнулся, был вечер. Он лежал поперёк мула со связанными руками. Группа из четырёх человек двигалась по узкому ущелью. Впереди, чуть согнувшись, шёл пожилой афганец. Через каждые сто метров он останавливался и оглядывался назад. Алексей не показывал признаков жизни и скрытно наблюдал за происходящим, чуть приоткрыв веки.

«Что-то уж долго тащат, – отметил он про себя. – Неужели до ближайшего кишлака так далеко? Если не убили сразу, значит, будут пытаться. Придётся терпеть побои и адские боли. Допустим, пытки я выдержу, а дальше что? При любом рас-

кладе смерть неизбежна. Как она будет выглядеть? Пустят ли меня кровь и намажут себе лица? Совершат намаз на крови неверного и бросят труп на съедение собакам? Нерадостная кончина».

Размышления Кедрова были прерваны гортанным выкриком пожилого афганца. Душман повернулся вполоборота и показывал рукой куда-то вниз. Присмотревшись внимательнее, насколько позволяло положение его тела, Алексей увидел на дороге машину, по очертаниям это была «Тойота». Его отвязали от мула и потащили по склону волоком. Острые камни вонзались в тело кинжальным остриём. Невольно вырвался глухой стон. Духи, тащившие его, остановились, поставили разведчика на ноги. Превозмогая боль, Алексей стал спускаться самостоятельно.

У машины их ждал высокий мужчина с европейскими чертами лица. Пожилой афганец, который, по всей видимости, был старшим в группе, подошёл к европейцу. Огладив бороду обеими ладонями, душман что-то тихо произнёс.

– О кей, – громко ответил европейец, махнул рукой духам, державшим Алексея.

Те подтолкнули разведчика в спину и подвели к мужчине.

– Дую спик инглиш? – вкрадчиво спросил европейец по-английски.

Алексей молчал, делая вид, что ничего не понимает. Вопрос был задан повторно, но уже по-немецки. Кедров промолчал и на этот раз. Европейец не владел русским языком, и

по лицу было заметно, как он удручён.

– Что прикажите с ним делать? – спросил «дух».

– Теперь это не твоя забота, им займутся другие, – последовал ответ.

Пожилой афганец удалился. Спустя четверть часа подъехала ещё одна «Тойота», из неё вышли китайцы, среди них был азиат, как потом оказалось – таджик. Европейец сам подошёл к ним, состоялся недолгий разговор. Последние слова Алексею удалось разобрать.

– Повезёте на север и сдадите американцам, – перевёл он обронённую фразу.

«Для чего я понадобился американцам? – недоумённо подумал пленник. – Только этого ещё не хватало. Пристрелили бы лучше».

Алексея положили на дно кузова и повезли. Связанные руки задеревенели и плохо слушались, ужасно болели раны. Алексей закрыл глаза и постарался отвлечься. Китайцы некоторое время молчали, а потом заговорили о каком-то грузе. Алексей прислушался. Говорили двое: китаец и азиат. Разговор происходил на английском, второй китаец, вероятно, языком не владел и сидел безучастно, прикрыв веки.

– Куда поместили груз? – спросил азиат.

– Туда же, куда и в прошлый раз.

– Сколько его скопилось?

– Три партии. Таджик обещал забрать через неделю.

– Как его имя?

– Фархат.

– Ему я верю, он мой земляк, – одобрительно отозвался азиат. – Не спрашивали, почему так долго?

– Проблемы на границе. «Шурави» усилили охрану Пянджа. Юсуф дважды пытался перейти на эту сторону, но всё безрезультатно.

Китаец говорил на отвратительном английском, съедая окончания и заменяя звук «р» на «л». Азиат, вероятно, встречается с китайцем не впервые, и научился его понимать. Алексею перевод давался с трудом.

– Надо было подкупить офицера, – рассудил азиат, как само собой разумеющееся решение проблемы.

– Фархат сейчас занимается этим.

– Хорошо, подождём. Мой человек должен забрать у вас деньги в ближайшее время. Где они сейчас?

Китаец смутился, удивившись вопросу азиата.

– В пещере «Шакала», – ответил он. – Как всегда.

– Мой человек не был в тех местах, – пояснил азиат. – А вообще, места хранения надо менять, могут выследить, – назидательно добавил он.

Китаец достал из нагрудного кармана листок бумаги, карандаш и что-то на нём начертил.

– Вот, возьми. Твоего человека мы встретим в этом месте.

Азиат взял листок, посмотрел, изучая, и переложил к себе в карман.

Дальнейшие события Алексей не помнил – или уснул, или

потерял сознание. Когда он пришёл в себя, машина стояла с заглушенным двигателем. Китайцы и азиат лежали на дне кузова в странных позах. Они были мертвы. Следов взрыва или перестрелки Алексей не обнаружил. Люди, как будто заснули, и не смогли проснуться. Ещё больше он удивился, когда не увидел верёвки на своих руках – они были свободными. Алексей приподнялся и не почувствовал боли. Бегло осмотрел трупы, вывернул карманы. В его руках оказался тот самый листок, который взял у китайца азиат. Листок был сложен несколько раз. Алексей развернул и увидел зашифрованную схему. Карандашом китаец изобразил реку, стрелкой показано течение. По правую сторону нанесены три значка, похожие на вершины гор. Внизу слова: Pyandg Shakal. Westen-200. Листочек перекочевал в карман Кедрова.

«Странная смерть, – подумалось разведчику. – Глаза открыты, в них застыл ужас. Такое впечатление, будто перед смертью они стали очевидцами какого-то кошмара».

Всматриваясь в их лица, Алексей заметил маленькие, величиной с булавочную головку, пятнышки за мочкой уха. Можно было предположить, что кто-то посторонний провёл вакцинацию.

Кедров выбрался из кузова, заглянул в кабину. Она была пуста. Водителя нигде не было. «Сбежал», – мелькнуло в голове, но тут же эту мысль пришлось отбросить. На сиденье лежали автомат, фляжка с водой, и кое-что из съестного. Разве можно уйти в горы, не прихватив всё это с собой?

Заниматься предположениями было некогда, в любую минуту могли появиться моджахеды. Алексей сел за руль, попытался завести двигатель. Сердце «Тойоты» не хотело оживать. Сплюнув от досады, бывший пленник решил идти назад. Двигаться вперёд означало верную погибель – до границы с Пакистаном рукой подать, там нет зоны ответственности наших войск. Алексей сориентировал свой маршрут и медленно поплёлся в обратном направлении.

Измощённого, отощавшего его подобрали разведчики соседнего отряда и отправили в медсанбат.

Глава 4

Дознание.

Долго вылёживаться не пришлось. Уже на третий день в палатке госпиталя, куда поместили Кедрова, появился офицер из контрразведки.

– Майор Головко, – представился он и предъявил своё удостоверение.

Началось дознание. Вначале офицер показался почтительно-вежливым человеком, и Алексей рассказал ему всё, не скрывая никаких подробностей. Авторучка дознавателя с лёгким скрипом бойко бежала по листу бумаги, едва поспевая записывать повествование Кедрова.

– Всё, дальше ничего не помню, – с улыбкой, больше похожей на гримасу, закончил свой рассказ Алексей.

Его память зафиксировала всего лишь три дня блуждания в горах, до того момента, когда он, оступившись, свалился со скалы. После падения был полный провал, все последующие события как будто не происходили вообще.

Головко внимательно прочёл свои записи и одобрительно кивнул. Было непонятно, что означал этот кивок. Секунд двадцать он молчал. Потом из учтливового дознавателя майор превратился в профессионального хищника.

– Bravo, Кедров, – лениво произнёс он. – Придумал ты

здорово. Твою сказку можно хоть сейчас отправлять в издательство.

– Что?! – тут же взвился Алексей. – Вы мне не верите?!

– Не горячись, – Головко отложил в сторону исписанные листки, равнодушно посмотрел в лицо допрашиваемого. – Никакого сочувствия от меня не жди – я исполняю свой долг. Так что, давай всё сначала и без вымыслов. Твоя версия никуда не годится.

– Я говорю правду, всё произошло именно так, как я рассказал, – теряя терпение, заявил Алексей. – При желании можно всё проверить.

– Можно, – согласился майор. – Когда есть вещественные доказательства. Их у тебя не осталось. Кроме обломков вертолёта, разумеется. Я уже всё проверил.

Кедров не нашёлся, что ответить.

– Вертолёт – вдребезги, – продолжил дознаватель, – от экипажа никаких следов, а главного разведчика, то есть тебя, находят живым. Причём, далеко от места катастрофы. Как всё это объяснить? Меня такое обстоятельство наводит на определённые мысли. Пойдём дальше. Шар. Что это? Чьё-то секретное оружие, о котором не знает даже наша контора? Сомнительно. Ну, а таинственная смерть китайцев, вообще не лезет ни в какие ворота! – Головко презрительно усмехнулся.

– Верить или нет – ваше право, – устало выговорил Алексей. – Только ничего другого вы от меня не услышите. Его

просто не было, не существовало, не происходило, понятно?

– Ну что же, придётся начать всё с начала, только уже без вранья, – майор был невозмутим.

– Тогда лучше начать с пытки – быстрее добьётесь признания, – съязвил Алексей. У него начали сдавать нервы.

– Не надо собачиться, Кедров.

Головко приступил к допросу по второму кругу. Вопросов была уйма, один хитрее другого. Что ни вопрос – то капкан, расставленный профессионально, и, если бы Кедров попытался что-либо скрыть от дознавателя, у него это вряд ли бы получилось. А правду можно рассказывать до бесконечности, не напрягая мозгов. Поэтому майору не удалось уличить Алексея во лжи, разведчик не был пойман на неточностях. Дознаватель злился, дело принимало запутанный характер. Два часа допроса прошли, по сути, впустую: ни свидетельских показаний, ни фактов, подтверждающих сказанное, ни улик, ни зацепок. Ничего.

Оставался последний вариант – запугать Кедрова. Головко отложил ручку и поймал взгляд Алексея.

– Послушай, старлей, а может, всё было гораздо проще?

– Что проще? – разведчик не сразу въехал в суть вопроса.

– Сценарий твоей сказки менее наворочен, чем ты преподаёшь. Можно сказать, он просто банален. Окружение, плен, страх смерти, предательство. В таких грехах признаться ой как непросто! Вполне понимаю. Хочешь, я помогу построить канву, так сказать? Попробую реставрировать правду.

От многочисленных вопросов у Алексея дико заболела голова. Он сжал её руками, как тогда у обломков вертолѐта. Это не ускользнуло от взгляда майора, но он не хотел приостанавливать допрос и переносить на следующую встречу. Ему казалось, что приближается развязка, и виток допроса вот-вот замкнѐтся в кольцо.

– Могу предположить, что вертолѐт не набрал высоту и был обстрелян «духами». Васильченко, хоть и зануда, но всё-таки лѐтчик-профессионал, ему удалось посадить машину. Вы обрадовались, фортуна благоприятствовала вашей группе. Ликовали, но недолго. Появились «духи», завязался бой. Выиграть схватку с превосходящими по численности афганцами, находясь в тесном кольце окружения возможно только теоретически. Ты, как бывалый разведчик понимал ситуацию лучше всех. Когда твои бойцы положили головы в песок навсегда, старший лейтенант Кедров отбросил автомат и поднял руки. А чтобы тебя не убили на месте, решил немного поиграть, пообещав сообщить какую-то страшную тайну. Офицеру «шурави» поверили и повезли к высокому начальству. По дороге ты сбежал и взорвал вертолѐт, заметая следы. Видишь, как всё просто, – закончил свою версию Головки. Последние слова были произнесены зло и холодно.

– Да пошёл ты! – не выдержал Алексей и демонстративно отвернулся к стенке.

Головки аккуратно сложил листки допроса в папку, закрыл колпачком перо авторучки и направился к выходу. По-

том обернулся и довольно тускло произнёс:

– Всё равно придётся сознаться. Подумай об этом, Кедров. Хорошенько подумай.

Настроение Алексея окончательно испортилось.

«Ну, и наглый же дознаватель! Думай, Лёха, думай. Со-
стряпать красивую ложь и пойти с ней под трибунал? Там
люди сердобольные, поймут, простят? Нет, не пойдёт. Ого-
варивать себя нельзя. Но как быть?» – мучительно размыш-
лял Алексей.

У него было такое ощущение, что он опаздывал на трам-
вай и с разбегу налетел на закрывшуюся дверь. Сильно уда-
рился головой и лежал беспомощно на асфальте.

«Нужно искать выход, нужно выковыривать неопровер-
жимые доказательства, выцарапывать из памяти факты, – ду-
мал он. Если этого не сделать – контроль над ситуацией бу-
дет утрачен».

Алексей вновь и вновь мысленно возвращался ко дню вы-
лета с группой. Напрягал память, нервничал, но всё впустую.
Каждый раз его терзала одна любопытная деталь: как можно
уцелеть, падая вместе с вертолётom с высоты 2000 метров,
не покинув его? Причём, приземлиться без единого перело-
ма. Мистика какая-то! А заявление дознавателя о том, что
он, Кедров, затерялся в горах аж на десять дней! Раненый,
без пищи. Этот факт, как объяснить? Что он – афганский
Мересьев? А раны без должной обработки не только не за-
гноились, но, по словам медиков, зарубцевались раньше по-

ложенного срока.

Всё это никак не укладывалось в голове. Алексей мучился вопросами всю ночь и не находил ответа. К его удивлению, Головки не зашёл в палатку ни на следующий день, ни через день, и вообще не подавал о себе знать до выписки из госпиталя. Кедров не знал, что и подумать.

А потом был сюрприз. Из госпиталя его доставили в аэропорт Кабула и отправили в Союз. После прохождения медкомиссии с диагнозом «психическое расстройство», он был уволен из армии. Не успев начаться, карьера боевого офицера-десантника закончилась при загадочных обстоятельствах.

Глава 5

Странный сон.

Болезнь, усталость и ночь взяли своё: сознание притупилось, утихли все волнения, мысли отошли на задний план. Алексей уснул.

Ему приснился необычный сон. Откуда ни возьмись, посреди комнаты появился старик. На Алексея смотрели тёмные выпуклые глаза с неестественно жёлтой радужкой. Они словно выкатились из глазниц, и, казалось, висели крупными бусинами по обе стороны длинного острого носа. Окладистая борода невероятной белизны отличалась от всех бород, когда-либо виденных Алексеем. Волосы на голове искрились, как снег в ясный зимний день. Старец стоял, не шевелясь, и молчал.

– Ты кто? – спросил Алексей в недоумении.

– Тот, кого тебе предстоит отыскать, – прозвучал ответ.

– Я намерен отправиться на поиски старца в Чердынских болотах, – отозвался Алексей и не узнал своего голоса – он был глух и неестественен. – Но как вы узнали об этом?

– Я знаю о тебе всё. Ты меченый Небом и Всевышний дорожит твоей жизнью. Мой долг – обозначить путь до острова Истины, где будет положен конец твоему недугу.

Видение было настолько явственным, что Алексей никак

не мог сообразить: спит он и всё это ему снится, или же наступило пробуждение и всё происходит наяву.

– Как вы попали в квартиру? – спросил Алексей старца.

– Неужели это обстоятельство имеет какое-то значение? – уклончиво ответил незнакомец.

– Наверное, вы правы, – согласился Алексей. – Неблаго- разумно заострять внимание на пустяках. Думаю, куда ин- тереснее будет узнать о цели вашего визита.

– Благодарю за понимание. Не будем тратить время попу- сту – оно нам дорого. Я предпочёл бы начать.

Старец умолк, желая заполучить от Алексея согласие. Тот не заставил себя долго ждать и одобрительно кивнул.

– Хорошо. Тогда слушай и запоминай. Утром, когда ты проснёшься, сразу же собирайся в дорогу.

– Так я сплю? – не удержался Алексей.

– Спит твоё физическое тело, а душа не спит никогда.

– Извините.

– Достань карту Чердынского района и найди на ней точку с координатами $60^{\circ}36'$ по широте и $56^{\circ}40'$ по долготе. Это и есть центр острова Истины. Некоторое время тебе придётся там пожить.

– Среди болот?

– Не совсем так. Остров Истины – это привольное ме- сто. Но не каждому дано отыскать его, и тем более, оставить там свой след, – старец остановил на Алексее испытующий взгляд. – Для этого нужно благословение Неба. Высший Ра-

зум знает, что ты смертельно болен, он избавит тебя от недуга. Ты ещё не исполнил своей миссии на Земле. Благословение будет ниспослано тебе после моего ухода. Предвижу вопросы, но ответы на них ты получишь на острове. Самое главное – координаты острова. Всё. До встречи. Не задерживайся.

Перед глазами Алексея поплыл туман, и старик растворился в нём. Некоторое время Алексею слышался голос, который монотонно повторял, что смерть неизбежна, но она есть всего лишь естественный процесс обновления жизни. И что безвозвратно и вопреки своей воле умирают только невежды, которые отрицают существование Высшего Разума и не верят в существование Души. Информация прошла через сознание Алексея несколько раз, а потом наступил провал.

Глава 6

Одержимый.

Проснулся Алексей оттого, что ощутил во всём теле необычайную лёгкость и непривычную для себя умиротворённость. Не раскрывая глаз, он потянулся и глубоко зевнул. Вставать не хотелось, тело ещё находилось во власти сладкой дрёмы. И вдруг его осенило: сон! Он видел необычный сон!

Алексей тряхнул головой, избавляясь от истомы, и вытолкнул себя из постели. Набросив халат, направился в кухню и поставил чайник. Обычно после этого он направлялся в ванну принимать душ и приводить себя в порядок.

Сегодня утренний распорядок был нарушен, Алексею не терпелось заглянуть в атлас Пермской области. Заветная географическая карта оказалась на месте. Алексей нашёл Чердынский район, выхватил взглядом широту 60° . Исходя из масштаба, сделал нехитрые расчёты, отложил линейкой $36'$ и сделал засечку. Таким же способом определил $40'$ правее 56 -го меридиана. На пересечении двух засечек поставил жирную точку. Во все стороны на расстоянии нескольких десятков километров простирались непроходимые болота. Ближайшим ориентиром на юге было озеро Дикое.

«Такие названия дают неспроста», – подумалось Алексею. Его взгляд поднялся на север. Условными знаками обо-

значен нежилой посёлок, несколько отдельных изб и сараев. Дальше опять глухомань.

Пронзительным свистком известил о себе чайник. Алексей отложил карту, отключил плиту, быстро привёл себя в порядок и присел за стол позавтракать. К своему удивлению он почувствовал аппетит и без насилия над собой умял несколько бутербродов. Его не подташнивало. Алексей не понимал, что именно произошло с ним, но чувствовал: без постороннего вмешательства здесь не обошлось.

«И как это всё расценивать? – задал он вопрос сам себе. – На первый взгляд – мистика. В реальности ничего подобного произойти не может. Аппетит, возможно, появился временно, разовым порядком, так сказать, а завтра, возможно, всё вернётся на круги своя. Бывает же такое, когда неизлечимый больной, прикованный к постели, за день-два до кончины вдруг чувствует себя вполне здоровым. Боль отступает, появляется аппетит, человек встаёт с постели и даже выполняет посильную работу по дому. Может быть, и со мной происходит нечто схожее? Допустим. Но как объяснить появление старца? Что это было вообще? Сон, явь, галлюцинации? Если сон, то с какой стати он запомнился до мельчайших подробностей? А цифры координат? Они-то откуда всплыли в голове? А что если всё это происходило наяву? Тогда почему я спал и только что проснулся? Стоп! Дверь».

Алексей направился к ней, дёрнул за ручку. Дверь оказалась заперта. Так. Версия действительно для сумасшедшего.

Алексей вернулся на кухню.

«Ты забыл о Всевышнем», – откуда-то извне пришла внезапная мысль. Вначале она показалась Алексею чужой, но такое ощущение длилось не более секунды, потом оно стёрлось. Если бы впоследствии была возможность прочитать мысли, которые хлынули непрерывным потоком, Алексей бы поразился и не узнал сам себя: мыслил зомбированный человек. Кто-то неведомый внушал ему, что старец говорил правду, и настала пора собираться в дорогу.

Алексей помыл посуду и приступил к сборам. Из антресоли был извлечён выдавший виды рюкзак. Он имел бесчисленное множество разнообразных карманов и карманчиков, в которых легко размещалось всё, что могло понадобиться в тайге.

Собраться в дорогу для Алексея было делом привычным. Вначале он извлёк из сейфа ружьё, нож и охотничий билет. Затем на стол были положены компас, бинокль, складная карта в пластиковой обложке и патронташ. Сколько времени предстоит пробыть в тайге – Алексей не знал, и поэтому старался учесть всё до мелочей.

Через полчаса рюкзак наполнился до отказа, все карманы и кармашки были надёжно застёгнуты.

В последние годы Алексей стал вдруг суеверным, поэтому прежде, чем покинуть квартиру, присел на дорожку. Взглянул на часы, стрелки показывали восемь утра. До отхода поезда оставалось сорок пять минут.

«Отлично, всё идёт по плану, – отметил про себя Алексей, и подбросил на ладони ключи от квартиры. – Взять с собой или оставить у соседей? Поездка, безусловно, из разряда неординарных событий, неизвестно, чем закончится. Оставлю, пожалуй, у соседей».

Он закрыл квартиру, подошёл к двери напротив и нажал кнопку звонка.

– Папа, я открою, – послышалось изнутри, и дверь распахнулась.

На пороге стояла Ольга – двадцатисемилетняя блондинка. Полы мини-халатика, слабо перехваченного на талии узким пояском, демонстративно разошлись, и перед взором Алексея во всём великолепии предстали стройные ноги молодой хозяйки.

– О-о, Алексей Васильевич! Здравствуйте! – поприветствовала Ольга томным голосом.

– Здравствуй, красавица, – улыбнулся Кедров.

Он знал, что девушка – домоседка, всё свободное время предпочитает проводить дома в привычной для неё домашней обстановке. Ольга смотрела на него с излишним любопытством, оглядывая с ног до головы без тени стеснения.

– Опять на охоту?

– Ага.

– Не сидится вам дома. Целый месяц пропадали где-то и вот опять меняете уют и комфорт на таёжные неурядицы. Как вам только не надоест?

– Понимаешь, Оленька, тоскливо одному в холостяцкой квартире, – картинно жалуясь на одиночество, протянул Алексей.

– Хм-м, как будто в тайгу вы направились с кем-то ещё, – хмыкнула соседка.

– Ты права, Оленька. По тайге я брожу один. Но там – красоты-ища! – Алексей цокнул языком и зажмурил глаза. – Любуюсь природой и шевелю конечностями, что, кстати, очень полезно для организма. К тому же, поиски зверья отвлекают от шальных мыслей.

Он изобразил на лице сальную улыбку и впился глазами в обнажённые ноги.

– Это, каких же? – словно не догадываясь, о чём может пойти речь, спросила Ольга.

Она была равнодушна к Кедрову и всякий раз, когда подворачивался удобный случай, с нескрываемой радостью болтала с ним безумолчно.

– Ну, например, почему я до сих пор робею и никак не решусь сделать тебе предложение, – сморозил Алексей первое, что пришло на ум.

– В чём же дело встало? – оживилась Ольга. – Возьмите бутылку шампанского, букет чайных роз и приходите свататься. – Она игриво повела бедром. – Я согласна. Выйти замуж за такого мужчину, как вы, мечтает любая женщина. С вами не страшно отправиться и на край света.

– Ой, ли? Мне ведь уже сорок два, думаю, поздно пить

шампанское.

– Это вам-то поздно? Что вы такое говорите? Самый за-
видный возраст, мужчина в расцвете сил, – торопливо вос-
кликнула Ольга. Щеки её порозовели, она сделала шаг в сто-
рону и полы халатика разошлись ещё выше, обнажив ноги
до самых трусиков.

– Спасибо за комплимент, Оленька. Я обязательно поду-
маю. Вернусь домой, поговорим непременно. Тема-то, как-
никак, довольно щекотливая. А пока держи ключи. До встре-
чи.

– До свидания, Алексей Васильевич.

Глаза девушки полыхнули жарким огнём, она сглотнула
комочек, вставший в горле от волнения.

«Вот чудачка, – подумалось Алексею. – Девчонка – кровь
с молоком. Статная, красивая, а до сих пор не знает себе
цены, скрывается от мужчин, думает, вероятно, что просто
невезучая».

Алексей помахал молодой соседке рукой и вышел на ули-
цу.

«Распетушился, старый больной козёл», – выругал он себя
и забросил рюкзак на плечо.

Трамвай не пришлось долго ждать, и на вокзал Алексей
прибыл заблаговременно. Поезд тронулся ровно в восемь со-
рок пять, строго по расписанию. Алексей оставил вещи в ку-
пе и вышел в коридор. Окно было чуть приоткрыто, и напо-
енный весной воздух прорывался в вагон. Лёгкий сквозня-

чок трепал волосы, щекотал лицо. Перед взором во всём величии предстала темнохвойная тайга. Рассыпанными бусами белели первые подснежники. Упоительная весна набирала силу.

«Кому-то радость, а кому-то грусть», – всплыли в памяти слова песни одного из бардов. Пронзительная тоска невозвратного времени в одно мгновение сдавила грудь. «Безвозвратно, безнадёжно, неизбежно», – родились слова из ниоткуда. Алексей попытался создать четверостишие и долго подбирал рифму. Ничего не получилось.

«Тук-тук, тук-тук, тук-тук», – постукивали колёса на стыках рельс, а в голове Алексея слышались три пульсирующих слова: «Безвозвратно, безнадёжно, неизбежно».

– Пройдите в купе, простудитесь, – услышал он за спиной и обернулся. Будто из-под земли появилась проводница.

– У весны махровый характер, окаянный, – добавила она. Алексей невольно улыбнулся.

– Первая поездка?

– Нет, вторая, – ничуть не смутившись, с гордостью ответила девушка. Она оказалась словоохотливой и, не дожидаясь расспросов, заговорила:

– Сама я из здешних мест. С малых лет любила встречать поезда, мечтала стать проводником. И вот мечта сбылась.

Немного помолчав, спросила:

– А вы как догадались, что я недавно работаю?

– Очень просто. Проводница, посмотревшись на жизнь в

поездах, со временем черствеет, ей становится глубоко безразлично, что чувствует пассажир. Она больше молчит, в разговоры не вступает, никогда не заговорит первой. Работу исполняет по принципу: не спрашивают – не сплясывай.

– Вы это серьёзно?

– Вполне.

– Почему так считаете?

– Приходилось много ездить, присмотрелся.

– Вы путешественник?

– Вроде того, – лицо Алексея тронула улыбка.

– А-а-а, – с пониманием отозвалась девушка. – Я вас не утомила своей болтовнёй?

– Что вы, напротив, – протестующее заявил Алексей. – Только, боюсь я, наш разговор не понравится бригадиру поезда. Их братия любит нагряться внезапно.

– Ну, и пусть приходит. Отопление моего вагона в норме, тамбур чистый, кипяток есть, следующая станция ещё не скоро. Какие могут быть ко мне претензии?

– Ну-ну, – как-то неопределённо выразился Алексей, и трудно было понять, какой смысл он вложил в это междометие: одобрение, осуждение или снисхождение.

– Смотрела на вас перед посадкой и удивилась размерам рюкзака, – весело заметила девушка.

– Очень большой?

– Громадина. С таким скарбом из дома уходят не на один день.

– Правильная догадка, решил вот поохотиться, насколько духу хватит, – сообщил Алексей, скрывая правду.

– Мой папа тоже охотник, но сейчас он почти не охотится. А вот когда мы жили на Колве – часто пропадал в тайге. Пушкину добывал. Потом мама настояла на переезде, и мы, как и многие другие, покинули тот район.

– Почему? – спросил Алексей с неподдельным интересом.

– Почему? – повторила вопрос проводница и на миг задумалась. – Точно не могу сказать, я тогда маленькой была, но слышала от людей о дурной славе тех мест.

– В чём она выражалась? – продолжая удивляться, задал вопрос Алексей.

– Аномальная зона. Стали пропадать люди, скот, многие заболели. Поговаривали о летающих тарелках. Да шут его знает, от чего народ уезжал. Там сейчас много пустующих посёлков.

– Видел на карте, она у меня свежая. Удивляют и названия: озеро Дикое, река Чудова, посёлок Лешаков. Кстати, а ты, случайно, про Лешего не слышала? – не удержался от вопроса Алексей.

– Да кто ж про него не слышал? Его и видели много раз. А что вдруг он вас заинтересовал?

– Так, охотился в тех местах, слышал байки о нём. Местные охотники рассказывали.

– Его побаиваются и сейчас. Он может такое сотворить, что мало не покажется.

Глаза девушки таинственно заблестели.

– Что, к примеру?

– Допустим, поставить невидимый заслон.

– Это как? – непроизвольно вырвалось у Алексея.

– Ну, скажем, мужики заметят его издали и захотят подойти поближе. Но не тут-то было. Натыкаются на что-то невидимое и не могут сделать дальше ни шагу. Походят туда-сюда, походят, и возвращаются назад. Потом у них голова болит.

– Ой, – спохватилась девушка. – Столько времени болтаем и не познакомились ещё.

– Действительно. Меня зовут Алексеем, – представился Кедров.

– А вас?

– Вера, – девушка протянула ладошку. – Можно на «ты».

– Хорошо, будем на «ты». Только взаимно, идёт? – Алексей почувствовал, как в нём поднимается радостное волнение, которое он давно не испытывал.

Молодая проводница нравилась ему всё больше и больше. Она была проста и доступна, без фальши, высокомерия и излишнего кокетства. Одним словом, свой парень.

– Идёт, – согласилась Вера. – Придётся внушить себе, что ты мой старший брат, иначе не получится.

– Лады. Скажи, Вера, а когда Лешего видели в последний раз? – Алексею не хотелось упускать возможность узнать о старце как можно больше.

– Этот Леший вечен, как Кощей Бессмертный. Его помнят деды, и даже прадеды с ним встречались.

– Интересно, а где он живёт?

– Вот этого не знает никто. Где-то в Чердынских болотах. И всё-таки, Алексей, почему ты им интересуешься?

– Понимаешь, – начал осторожно Алексей, – Всё дело в том, что я еду на встречу с ним. Так сказать, рассчитываю на последнюю схватку с недугом.

Алексей, сам не ожидая от себя и не понимая, почему-то доверился Вере, решил рассказать ей всё, как есть. Она словно птичка-говорунья впорхнула в его истомившуюся душу. Глядя на Веру, румяную, тоненькую, васильково-синеглазую, светящуюся нескрываемой радостью, он и сам вдруг преобразился. В поездах часто наступает как бы синдром доверия, люди позволяют рассказывать о себе самое сокровенное, зная наперёд, что их история не будет подлежать огласке никогда. Остановится поезд на нужной станции, пассажир возьмёт свои вещи и сойдёт в никуда, унося откровения с собой.

– Ой, давайте я вас чаем угощу, – предложила Вера. – А то стоим посредине вагона и создаём неудобства пассажирам.

Алексей безропотно согласился. Попутчицами в его купе были две бабки, и Алексею не очень-то хотелось оставаться в их обществе.

– Присаживайся, я скоро. Полустанок встречу и вернусь, – сказала Вера, пропуская Кедрова в служебное купе.

Девушка упорхнула, закрыв за собой дверь.

«Живчик, – с теплотой отметил про себя Алексей. – На сколько же лет она младше меня? На семнадцать, на двадцать?» Он глубоко вздохнул и облизнул пересохшие губы.

Вера действительно возвратилась быстро. Поезд лишь слегка притормозил и, издав гудок, понёсся дальше, разрезая могучей грудью влажный, напоенный тайгой воздух.

– Не успел заскучать? – поинтересовалась Вера. – Сейчас будет чай.

Она открыла дверцу настенного шкафчика, извлекла стаканы, налила кипятка.

– Вот тебе заварка, выбирай.

Алексей опустил в стакан пакетик «Липтона», подёргал за ниточку.

– Ну, рассказывай, – Вера отхлебнула из стакана и приготовилась слушать.

У Алексея мелькнула мысль прекратить исповедоваться, но он тут же рассудил по-другому. Возможно, Вера будет последним человеком, перед которым оттаит его окаменевшее сердце. Пройдёт ещё месяц – другой, и всё будет кончено. Сейчас эта милая, чистая душой провинциалка являла собой единственную духовную отдушину, перед которой он мог открыться не таясь, излить всё, что наболело.

– Рассказывать, в общем-то, и нечего.

Алексей немного помедлил, помешал ложечкой в стакане и начал рассказывать. За тот короткий промежуток вре-

мени, в течение которого поезд шёл без остановки, Алексей успел поведать Вере всё, начиная от детдома и заканчивая сегодняшним днём. Не умолчал и о встрече с цыганкой, рассказал об удивительных и необъяснимых событиях в Афганистане.

– Чему тут удивляться? – спокойно произнесла девушка, когда Алексей закончил своё повествование. – В жизни сплошь и рядом происходят подобные вещи. Например, у папиной старшей сестры тоже был рак, врачи не могли помочь ей уже ничем. Она догорала, как спичка, исхудала и ничего не ела. Лежала, не вставала. Даже завещание на дом написала. Но однажды объявилась знахарка и вылечила её. Тётя Зоя, так зовут папину сестру, жива до сих пор. Только знахарка потом исчезла куда-то. Вот вам и неизлечимый недуг.

– Спасибо тебе, Вера, – почти прошептал Алексей. – Спасибо за то, что выслушала, обнадежила и знаешь, мне стало намного легче. Только... – Алексей замолчал, стыдясь своих слов.

– Что, только? – длинные ресницы Веры дрогнули и неожиданно увлажнились. Она догадалась, о чём хочет попросить Алексей.

– Только сохрани, пожалуйста, в тайне мой рассказ. За всю жизнь я ни разу не слюнявился вот так, как сейчас. Почувствовал в тебе родственную душу и расплавился.

Вера смахнула накатившуюся слезу и заверила:

– Кому мне рассказывать? Для чего? А стыдиться вам со-

всем не нужно, и не терзайтесь, Алексей, попусту. Девушка снова перешла на «вы». – Простите, Алексей, сейчас будет станция, мне придётся покинуть вас на некоторое время.

Вера взяла флажок и направилась в тамбур. Через минуту вагон качнуло, и он остановился.

Алексей решительно встал и пошёл в своё купе. Обе бабки, прижавшись к своим узлам, дремали. Он тихо затворил за собой дверь.

«Что это со мной? – подумал Алексей, приземлившись на самый краешек нижней полки. – Совсем обалдел. Разнюнился перед какой-то сопливой девчонкой, смертишку, видите ли, почувствовал, страшно стало без покаяния. Испугался, что в рай не примут? – корил Алексей себя с сарказмом. – Где же твоя воля, отвага, смелость? Сломала костлявая, устрасила, замордовала? Ладно, хоть слезу не пустил».

Ему было стыдно признать, что его откровение, в прошлом офицера-разведчика, прошедшего войну, повидавшего смерть, ничем теперь не отличается от плаксивого монолога обычного смертного.

Было совсем темно, когда Кедров, сухо попрощавшись с Верой, сошёл на перрон в Соликамске. Добрался до автовокзала, дождался первого утреннего рейса автобуса и к десяти утра прибыл на Чердынскую землю. Взглянув ещё раз на карту, уточнил маршрут.

До места с намеченными координатами следовало лучше всего добираться на моторной лодке вверх по реке Чудове.

Он так и поступил. Переправившись на пароме через Колву, приступил к поиску лодки. Это не составило большого труда. За кругленькую суму доставить до указанного места согласился один из местных жителей.

Лодочник – бородатый мужик средних лет, надел брезентовый дождевик с капюшоном, забрался на кормовую лавку у мотора и терпеливо ждал, когда Алексей забросит рюкзак в нос лодки и оттолкнёт её от берега. Сапоги Алексея заскрипели по прибрежной гальке, он сделал несколько шагов по воде и несильно оттолкнувшись, запрыгнул в лодку.

– Ну, с богом, – проговорил лодочник и перекрестился.

Переделанный из пускача трактора мотор взвизгнул и завопил на всю округу. Лодка с черепашьей скоростью пошла вверх по реке, мелко разбрызгивая по сторонам рассекаемую воду.

Километров через пять причалили к берегу, сделали привал.

– Перекурим малёхо, – густым басом вытолкнул из себя два слова мужик и больше ничего не произнёс за всё время стоянки.

Только вновь садясь на своё место, буркнул:

– Странно как-то.

– Что странно? – переспросил Алексей, не понимая оборонённой фразы.

– Странно как-то, – повторил ещё раз лодочник. – Поехал в гиблое место, на ночь глядя.

– Почему оно гиблое? – спросил Кедров, пытаясь вопросом разговорить мужика.

Как ни странно, сработало. Мужик попался на уловку.

– Больше пятнадцати вёрст никто по реке не поднимается. Для тебя я сделаю исключение – двадцать. Дальше пойдёшь пешком, если тебе приспичило, – обрезал лодочник.

Его невозмутимый вид говорил сам за себя: убеждать или упрасивать было бесполезно, не помогут и деньги.

– Почему гиблое – то? – не услышав объяснений, повторно спросил Алексей.

– Жутко там, парень, – нехотя и зло произнёс лодочник. – Можно сгинуть безвозвратно. Такое часто бывало. Уйдёт человек и не вернётся. А если не сгинет, с больной башкой возвращается. К чему мне это? Туда едут от безысходности, от смерти бегут. Иногда излечиваются. Ты-то зачем прёшься туда? – вопросом закончил своё повествование мужик.

– Да так, из любопытства. Я не из трусливой породы. Поохочусь, порыбачу, а если сведёт судьба – с Лешим побеседую.

– Дурак! – подытожил лодочник и замолчал прочно, словно затолкал себе в рот кляп.

Вновь взвыл отчаянно адский мотор, и лодка с нежеланием поползла дальше. Алексей смотрел то на бегущую воду, то на грязные неумытые берега и размышлял над словами лодочника. От полученных сведений остался тяжёлый осадок, почему-то перехватило горло. Однако, информация ни-

каким образом не повлияла на пересмотр принятого решения. Совершаемое им безрассудство действовало как допинг и, наоборот, подстёгивало его к скорейшему продвижению к намеченной цели. Дико ревел мотор, медленно проплывали мимо угрюмые ели, упорно молчал лодочник, крепко держа за длинный трясущийся руль.

Наконец, надсадный голос двигателя умолк, и нос плоскодонки уткнулся в берег.

– Всё, парень, приехали, – решительно произнёс лодочник и посмотрел на часы. – Мне ещё надо вернуться засветло.

– Всё так всё, – согласился Алексей и шагнул за борт.

Тяжёлый рюкзак перекочевал на берег. Нос лодки приподнялся, она свободно закачалась на воде.

– Ты, парень, не обижайся, но я тебе правду сказал. Не единожды вспомнишь мои слова.

Лодочник взял в руки весло и оттолкнулся от берега. Лодку понесло течением вниз. Мужик приподнялся на сидении и неистово дёрнул за шнур. Надрывно заголосил мотор, и невзрачное судёнышко стало быстро удаляться, уменьшаясь в размерах.

Глава 7

Встреча с Лешим.

Луна была полной и висела над рекой тусклым шаром. Тёмными призраками упали на воду языкастые тени деревьев. Стремительный поток проносился по ним, не в состоянии зацепить их и сдвинуть с места. Тени были мертвы. Но стоило только деревьям-лохмачам чуть содрогнуться, как тени-призраки сразу оживали и угрожающе щерились. Вода в бессильной злобе шипела, ворчала, но сорвать тени с места и унести с собой ей не удавалось.

Алексей Кедров, оставшись на берегу один, долго и тщательно изучал карту. Он решил не испытывать судьбу в столь поздний час и остался у реки до утра. Просидев сычом битый час, Алексей не заметил, как смуглое небо превратилось в чёрное. Пора было разводиться костёр. Это приятное занятие занимало у Кедрова немного времени – в таком деле он был профессионалом и знал, что нужно сделать, чтобы огонь занялся с первой спички. Прошло немного времени и чайник, радостно пофыркивая, с облегчением закипел.

Пока Алексей пил чай, костёр оказал ещё одну неоценимую услугу – нагрел землю. На это место толстым слоем был уложен пихтовый лапник, а догорающие дрова перекечевали в сторону. Подбросив пару бревешек для оживления, Алек-

сей прилёг на мягкое ложе и усталился на огонь. Десятки огненных языков метались между поленьями, жадно вылизывая древесную пищу. В голове вновь закрутились нерадостные мысли. И, чтобы избавиться от них, Алексей решил прибегнуть к хорошо проверенному способу. Он запустил руку в карман рюкзака и извлёк оттуда заветную фляжку со спиртом – помятую и побитую. Её он притащил из Афганистана. Отвинтив колпачок, сделал несколько больших глотков, крякнул на выдохе. Очень быстро спирт сделал своё дело: в голове слегка зашумело, мышление притупилось, наступило расслабление. Незаметно Алексей заснул. Во сне к нему опять явился старик и показал дорогу. На сей раз, Леший был молчалив и быстро исчез. Ничего другого Алексею не приснилось.

Едва забрезжило – он проснулся. Встал, спустился к реке, почистил зубы и поплескал водой в лицо. Завтракать не хотелось. Взвалив на плечи рюкзак, Алексей тронулся в путь. Каково же было его изумление, когда он, пройдя вдоль болота, обнаружил приметы, указанные старцем во сне. Сердце забилось тревожной радостью.

«Ай да Леший, ай да молодец! – мысленно похвалил старика Алексей. – Кто сказал, что чудес не бывает? Они существуют, они совсем рядом!»

Бродни с чавканьем погрузились в болотную жижу – Алексей спешно зашагал к намеченной цели. Более часа он двигался в заданном направлении, сверяя изредка свой путь

по компасу. Болото казалось нескончаемым. Маршрут приходилось прокладывать на глазок, вцепившись взглядом в ближайшую кочку. Нередко бродни уходили в болотный студень выше колена. Алексей судорожно хватался за тощие берёзки и медленно вытягивал себя из трясины. Выбравшись из опасного места, присаживался на мягкую, как перина, кочку и отдыхал. Сердце бешено колотилось, кровь толчками неслась по венам. В такие моменты Алексею начинало казаться, что сосуды не выдержат дикого давления и вот-вот лопнут. Но проходила минута, другая и сердце успокаивалось. Алексей поднимался и, стиснув зубы, шёл дальше. Изредка попадались озёрки, больше похожие на зеленоватые лужи. Такие места были самыми опасными, и Алексей обходил их стороной.

Он шёл как зомбированный – только к цели, только вперёд, приходя в безудержное неистовство, поскольку там, куда его влекло – ожидало исцеление, а позади – смерть и пустота. И это неизмеримое болотное пространство виделось ему как некий плацдарм для броски в будущее. Каждый шаг к заветной точке давался с трудом, Алексей находился в каком-то полуобморочном состоянии. Тело словно раскалилось, иссушая всё внутри. Ноша стала казаться невероятно тяжёлой и тянула вниз. Чтобы не опрокинуться назад, Алексей согнулся пополам. Его мотало из стороны в сторону, он часто спотыкался и падал, потом переворачивался на спину и отдыхал. Так продолжалось долго, а в сознании Алексея – слиш-

ком долго, хотя минутная стрелка успела сделать всего пять оборотов.

И вдруг впереди показались молодые ели. Это означало одно: болото заканчивается. И действительно, вскоре под ногами стало намного твёрже, а через сотню метров завиднелось небольшое возвышение.

– Ну, то-то же... – прохрипел Алексей и на четвереньках начал карабкаться наверх пологого откоса.

Ноги гудели и дрожали от перенапряжения. Выбравшись на пригорок, присел отдохнуть на поваленное дерево и впервые за весь путь закурил. Вглядываясь вглубь острова, он увидел человека. Тот шёл прямо на него. Это было так неожиданно, что вначале Алексей не поверил своим глазам. Тишина, безмолвие и вдруг – человек.

«Не померещилось ли?» – мелькнула мысль, и он тряхнул головой.

Но нет, человек шёл и не исчезал из поля зрения. Он двигался как-то странно, будто и не шёл вовсе, а плыл над землёй, медленно перебирая ногами. Плечи при ходьбе оставались неподвижны. Когда дистанция до незнакомца сократилась настолько, что стали видны черты лица, Алексей признал в нём старика, который являлся во сне.

Старик остановился в нескольких метрах от Алексея и принялся разглядывать его с самодовольной улыбкой.

– Добрался, наконец, – с одобрением вымолвил старик вместо приветствия. – Устал?

– Почти смертельно, – сознался Алексей и впервые за всю дорогу улыбнулся. – Вон, посмотри, – он вытянул сначала ноги, потом руки. Конечности безобразно тряслись.

– Да, замотался ты в болоте, – посочувствовал старик. – Чего только не передумал в пути, не так ли?

– Были моменты, – хмыкнул Алексей. – Разные мыслишки посещали: и серые, и чёрные и туманные – всякие были.

– Но ты победил, и это самое главное, – подвёл итог старик, пронзая Кедрова своими чёрными глазами, словно просвечивая, словно и впрямь заглядывая в душу. Зрачки расширились, взгляд стал неподвижен, косматые брови поднялись вверх и замерли на время, потом опустились – лицо старика нахмурилось.

– В такой стадии сил хватает только для прогулки, а ты такое болото брюхом пропорол, – покачал головой Леший. В его словах Алексей уловил озабоченность.

– Что, поздно? – насторожился Алексей.

– Нет, пришёл своевременно. Фиолетовый цветок раскрылся только вчера. Начнём с него.

Алексей поймал себя на мысли, что не удивлён встрече с Лешим. Ему почему-то казалось, будто встречается он со стариком не в первый раз, будто пришёл к нему в гости, как делал иногда на охоте, заглядывая к леснику на заимку. Потом Алексей подумалось, что он спит и всё это происходит во сне. Казалось, наступит пробуждение и Леший исчезнет. По крайней мере, убедиться в реальности происходящего не бы-

ло иного способа, как ущипнуть себя. Воспользовавшись моментом, когда старик на секунду отвернулся, Алексей прижал кожу меж ногтей с такой силой, что едва не вскрикнул.

– Не стоит, – спокойно произнёс Леший. – Всё происходит наяву, не сомневайся.

– Ты можешь читать мысли?

– Поговорим об этом позже, – отмахнулся старик. – Следуй за мной.

Леший развернулся и поплыл в обратном направлении. Алексею ничего не оставалось, как последовать за ним. Кругом был лес. Весна в этом году выдалась ранней и ветви деревьев уже закучерявились мелкой ярко-зелёной листвой. Выбросив почки, проснулись пихты, источая вокруг терпкий запах хвои. Алексей не был новичком в тайге. По Коми-округу он протопал не одну сотню километров. Научился подкрадываться к зверю бесшумно, ходил через лесную чащу быстрым пружинистым шагом. Но ходьба старика поражала своей необычностью. Леший двигался по чутью, как зверь. Ветки деревьев при ходьбе не ломались, не пружинили и не били по лицу, хотя он не выбирал путь и двигался напрямую. Алексей едва поспевал за ним, иногда почти бежал, чтобы не отстать и не потеряться среди леса. Пока они продирались сквозь лес, Леший не проронил ни слова. Он уверенно шёл вперёд, виртуозно лавируя между деревьев, и ни разу не оглянулся. Помалкивал и Кедров.

Вдали забрезжил просвет, деревья расступились. Оба очу-

тились на большой поляне.

– Давай передохнём, – взмолился Алексей. – Иначе я здесь лягу и не встану.

Суматошный день, нервное перенапряжение и запредельная усталость валили его с ног. Сбросив рюкзак, он рухнул на землю и, переведя дыхание, спросил:

– Как тебя зовут?

– А никак, имя я выбросил из головы за ненадобностью.

– Отверг что ли?

– Вроде того. Но если у тебя в этом есть необходимость – зови Акимом.

– Ладно, – согласился Алексей. – Аким, так Аким.

– Скажи, здесь есть ещё кто-то, кроме тебя?

– Никого здесь нет, – последовал ответ старика. – Пошли, скоро придём. Он встал и, не оглядываясь на Алексея, пошёл дальше, непривычно легко перебирая ногами. Они миновали кедрач, прошли через густой черёмушник и оказались у крутого склона невысокой горы. Старик обогнул ржавые скалы с приклеившимися к ним полуметровыми пихтами-уродцами и привёл к гранитному утёсу. В нём зияла широкая расщелина.

– Сюда, – бросил на ходу Аким и исчез в каменном проёме.

Вход в пещеру узким серпантинном уходил вниз. Пробиравшийся снаружи свет постепенно утрачивал яркость и скоро померк совсем.

– Аким! – позвал старика Алексей. – Куда мы идём? Я ничего не вижу.

И тут произошло невероятное: фигура старика окуталась слабым свечением.

«Истинный дьявол», – с неприсущей для себя жутью отметил Алексей.

– Теперь видишь? – отозвался Аким. – Иди за мной, не отставай, скоро будем на месте.

В воздухе почувствовался сладковато-затхлый запах, голова Алексея закружилась. Перед глазами замелькали небольшие светящиеся шарики. Алексей зашатался и потерял сознание...

Глава 8

В поисках истины.

Профессора Старостина весь день одолевали мрачные мысли. Возвращаясь с работы, он даже подумал: «А не бросить ли всё к чёртовой матери и найти, наконец, тихую, спокойную работу?» Каждый день приносил кучу неприятностей, а он вынужден был мириться с этим ради воплощения своей мечты. Илья Михайлович, образно говоря, горел на работе и буквально разрывал себя на части. Филиал Московского института микробиологии, в стенах которого он трудился в качестве руководителя солидной лаборатории, являлся государственным учреждением с серой и скучной тематикой исследований. Эксперименты, проводимые под его началом, назвать научными можно было лишь с большой натяжкой. Но как бы то ни было, Илья Михайлович честно и добросовестно отработывал федеральные деньги.

Основным же импульсом, побуждающим профессора задерживаться в лаборатории допоздна, была другая тема, внеплановая, параллельная, наименование которой не значилось ни в одном из документов института. Эта тема являлась тайной за семью печатями и была известна лишь одному человеку – самому профессору Старостину. Над ней он трудился более двух десятков лет, не посвящая в её истинный

смысл никого из сотрудников. Профессора считали чудаковатым человеком, что, впрочем, присуще большинству талантливых учёных, и охотно помогали ему в проведении того или иного эксперимента. Добровольные помощники Ильи Михайловича не проявляли особого интереса к его результатам, считая проводимые им опыты не более, как баловство. Даже кличку придумали – Дон Кихот. И действительно, со стороны могло показаться, что чудаковатый профессор занимается какой-то бесперспективной работой, отрабатывает одному ему известную безумную идею, вступая в противоречие с действительностью. На вопрос, чем же он занимается и чего хочет достигнуть в конечном итоге, Старостин отвечал:

– Я занимаюсь поиском Истины, а путь этот, как известно, очень долог.

На этом диалог заканчивался. По натуре своей профессор Старостин был добрым и щедрым человеком, и бескорыстная помощь коллег не оставалась незамеченной. Илья Михайлович благодарил их, как мог, используя имеющийся в его распоряжении административный ресурс. Кому-то он повышал оклад, кого-то устраивал на полставки, кому-то предоставлял отпуск только в летнее время, одновременно оформляя отгулы, фактически незаслуженные, кому-то помогал с устройством ребёнка в детский сад. Одним словом, делал всё, что было в его силах.

Такие взаимоотношения первоначально устраивали обе стороны, но шли годы, и Старостин стал осознавать, что в

одиначку ему не добиться желаемого результата. Те, кто ему помогал, попросту отработывали время, порой бестолково, не проявляя ни каких элементов творчества. К тому же по образованию все они были биологи, как и он сам, а для реализации его мечты требовался думающий единомышленник, физик-фанат, одержимый той же идеей, что и Старостин. Только в такой связке можно было рассчитывать на результат.

Безымянная тема Ильи Михайловича родилась очень давно, на базе его детских размышлений о смысле жизни. Здесь следует отметить, что в формировании доктора биологических наук Старостина, как личности, как ни странно, большую роль сыграла его бабушка Настя. Очень набожная, она при своей неграмотности знала Библию почти наизусть. Бабушка Настя, рождённая в один год и день с вождём коммунистов В.И. Лениным, соблюдала все заповеди священной книги, часами стояла на коленях перед образами святых, придерживалась великого поста. Иначе говоря, являлась примерной и послушной прихожанкой Церкви. Она не раз говорила маленькому Илюше, что человек рождён на Земле, чтобы мучиться, и чем больше он будет мучиться в этом мире, тем счастливее будет жить на небесах.

– Разве нельзя попасть на небеса без мучений? – вопрошал шестилетний Илюша.

– Нет. Душа не может покинуть тело, не обретя мучений в том количестве, в котором наделил её Бог. Это путь всех

смертных, его нельзя поменять потому, что он начертан волей божьей, – уверенно отвечала бабушка.

Илюша рос, но слова бабушки Насти не выветривались из его головы. Более того, чем старше он становился, тем чаще стал задумываться о существовании души и смысла жизни. «А и впрямь, если человек создан Богом, то с какой целью он его создал? – размышлял Старостин-юноша. – Если существует Душа, которая потом покидает тело и возносится на небеса, напрашивается вопрос: а зачем она вообще приходила на Землю? Зачем вселялась в физическое тело?» Ответа молодой Илья не находил и только, когда постиг закономерности органической жизни, обучаясь в институте, сделал для себя предположение: Душа приходит в этот сложный мир с целью совершенствования. Но чтобы обосновать такую гипотезу, нужны доказательства. Студент Старостин дал себе клятву, что он их найдёт. Это и стало смыслом его скрытой научной деятельности.

Такие рассуждения пришлись на 50-е годы. По тем временам, разумеется, они являлись явно крамольными, рассчитывать на какую-либо поддержку в таком деликатном вопросе было просто безумством. Илья Михайлович отличался большим трудолюбием и ответственностью, и благодаря этим качествам в стремительно короткий срок ему удалось сделать блестящую карьеру. В распоряжении Старостина появилась современная лаборатория, он с головой ушёл в многочисленные эксперименты. До перестроечных времён про-

блем с финансированием не существовало, денег из Центра поступало столько, что их некуда было девать. Более того, за неполное освоение даже ругали, а порой и наказывали. Илья Михайлович виртуозно пользовался ситуацией, запудривая мозги клеркам из Центра, и денежный ручей стабильно подпитывал непредусмотренные опыты. Так продолжалось довольно долго, но достичь желаемого результата не удавалось. Мечта оставалась мечтой, больше напоминая детские грёзы.

Профессор Старостин чувствовал, что заходит в тупик, роясь только в белково-нуклеиновых формах организма. Нужно менять направление исследований. Человек – двойственное существо, телесное и волновое, и, стало быть, поиск следует вести в двух направлениях одновременно, отыскивая невидимую связь между ними. С большим трудом Илья Михайлович добился единицы физика в штате лаборатории, и уже через несколько дней, словно по мановению чьей-то волшебной руки, с вопросом о трудоустройстве к нему обратился Алексей Кедров. Побеседовав с ним, профессор Старостин убедился: это как раз тот человек, который ему необходим. Отставной офицер-десантник, закончив вечернее отделение политехнического института, работал на кафедре физики. Преподавательская работа его не устраивала и вот он здесь, с надеждой занять вакантную должность.

Илья Михайлович принял Кедрова в лабораторию без колебаний. И не ошибся. Алексей оказался трудолюбивым и исполнительным сотрудником, понравился всему коллекти-

ву лаборатории.

Через полгода профессор сделал его своим ассистентом. Они подружились. Однажды, по случаю небольшого семейного торжества, Илья Михайлович пригласил Алексея к себе домой. Как водится, познакомил со своей супругой Надеждой Викторовной – добродушной домашней хозяйкой.

Втроём они посидели за праздничным столом, мужчины выпили водочки, Надежда Викторовна несколько раз пригубила фужер настоящего французского вина. Было весело и непринуждённо. Поболтали обо всём на свете. Потом Наденька – так ласково звал свою жену Илья Михайлович – незаметно удалилась, оставив мужчин вдвоём. Между ними состоялся откровенный разговор. Алексей поведал о себе, не умолчал и о загадочной истории, приключившейся с ним в Афганистане. Профессор Старостин, в свою очередь, раскрыл тайный смысл проводимых экспериментов. В тот вечер они засиделись допоздна, намечая план совместной работы.

Прошло несколько лет, появились первые положительные результаты. На основе проведённых экспериментов профессор Старостин и Алексей Кедров пришли к выводу, что молекулярно-нуклеиновая сущность, то есть физическое тело человека, является всего лишь следствием информационных космических взаимодействий.

– Алексей, – обратился однажды профессор к своему ассистенту, – Я всё больше склоняюсь к тому, что первоосновой человеческого организма следует считать информацион-

но-полевую форму. А ты как считаешь?

– Вполне согласен. Программа человечества связана в первую очередь с Сознанием, и только потом с физической природой. Я в этом глубоко убеждён.

Профессор порадовался за своего помощника, ему было приятно осознавать, что они одинаково мыслят, а это означает только одно: они движутся в правильном направлении, всё ближе подкрадываясь к познанию Истины.

Всё шло хорошо, но случилось непредвиденное: Алексей Кедров внезапно заболел, у него обнаружился рак. Любимец Старостина надолго попал в больницу. Илья Михайлович сильно переживал. В свои пятьдесят шесть лет он выглядел молодо, был бодр, не имел нервных срывов и ни разу не жаловался на здоровье. Алексей Кедров был младше профессора на четырнадцать лет, выглядел крепким и здоровым, поэтому его болезнь показалась Старостину нелепицей, в которую он не мог и не хотел поверить. Но с жестокой реальностью жизни приходилось мириться. Рушилась последняя надежда. Замены Кедрова на сегодняшний день просто не существовало. Лабиринт, по которому они двигались вместе, закончился глухой каменной стеной. Профессор Старостин был в растерянности. Как биолог-профессионал, он понимал: дни Алексея сочтены. Несколько раз Илья Михайлович навещал своего ассистента и подбадривал, как мог. Вчера, заглянув в очередной раз в онкологическое отделение, он узнал, что Алексей выписался из больницы несколько дней

назад. Мелькнула радостная мысль: «А что если произошло чудо, и болезнь отступила? Что если и на этот раз ангел-хранитель отвёл Кедрова от той черты, переступив которую наступает небытие?» Но радостное предположение продержалось недолго, лечащий врач Кедрова его разочаровал:

– Увы, профессор, к сожалению, мы не Боги. Необратимого процесса избежать не удалось, рак перешёл в последнюю стадию.

– Как жаль, как жаль, какая несправедливость... – удручённо пробормотал Илья Михайлович, – Жить бы да жить таким людям, как Алексей. Для него всё только начиналось...

Взяв себя в руки, Старостин попросил разрешения воспользоваться служебным телефоном Ивана Александровича. В нём появилась потребность переговорить с Кедровым прямо сейчас, не откладывая, и условиться о встрече. Набрав домашний номер Алексея, Старостин с минуту ждал ответа, терпеливо выслушивая длинные гудки. Положил трубку и позвонил ещё раз. Потом ещё и ещё. Телефон упорно молчал.

– Наверно, ушёл по делам, – высказал предположение Илья Михайлович и вопросительно взглянул на врача.

– Думается мне, что Кедрова не только дома нет, но и в городе, – сделал заключение Иван Александрович.

– Вы считаете, он мог куда-то уехать?

– Я в этом почти уверен.

– Но куда? – живо спросил Старостин.

– Вот этого я как раз и не знаю. Могу только догадываться.

– Вы что-то знаете?

– В день выписки Кедров обмолвился, что использует свой последний шанс – народные средства, – задумчиво произнёс врач. – Трудно предположить, что он имел в виду, говоря о народных средствах.

– Вам известен хотя бы один из вариантов? – с надеждой спросил профессор.

– Их много, но для излечения одной и той же болезни не существует определённого рецепта, потому что каждый больной индивидуален, и выбрать для него тот единственный, который бы помог избавиться от недуга, практически невозможно. На подбор не остаётся времени – рак развивается очень быстро.

– И всё-таки? – не унимался Старостин.

– Самым эффективным вариантом считается лечебный заговор мастера Белой магии.

– В чём же заключается его эффективность? – заинтересовался Илья Михайлович.

– Такие мастера, как правило, обладают Божьим даром, в них живёт непоколебимая вера в истинно могучую силу Белой магии. По всей вероятности, в этом-то и заключается их успех, – объяснил онколог и смутился.

Ему показалось, что профессор может поднять его на смех, заподозрив в шарлатанских суждениях. Но Старостин,

к удивлению, воспринял сказанное вполне серьёзно.

– Вы полагаете, Кедров отправился к одному из таких мастеров?

– Вполне возможно. Только мне неизвестно ни одного имени среди них. Народные целители всегда у нас были на правах изгоев, поэтому и живут они, как известно, в глухих местах, сторонясь общества.

– Если Алексей поступил так, как вы предполагаете, то мне ничего не остаётся, как ждать вестей: хороших – от него самого, плохих – от тех, с кем он сейчас. Извините, что отвлек вас от дел, мне пора.

Илья Михайлович пожал руку врачу и вышел из его кабинета.

Почти всю ночь профессор Старостин не спал – одолевали тревожные мысли. Он лежал с закрытыми глазами и размышлял. Рядом спала его Наденька. Она ровно посапывала, уткнувшись ему под мышку.

Илья Михайлович думал о том, что же делать дальше, как поступить. «Решение принимать придётся в любом случае, ведь наивно полагать, что Кедров самостоятельно преодолет болезнь и вернётся в лабораторию, – принялся оценивать сложившуюся ситуацию профессор. – Конечно же, останавливаться на полпути не следует ни в коем случае, эксперименты надо продолжать. Но с кем? Алексея нет, и уже не будет, кто сможет заменить его?»

Старостин перебрал фамилии всех сотрудников лабора-

тории, но тщетно, ни один из них не мог сравниться с Кедровым. «Братъ со стороны, опять вводить в курс дела, посвящать в тайну? Стоп! Почему же эксперименты, проводимые в лаборатории для исследования волновой природы материи, является тайной? Занавес советских времён открыт. Надо просто узаконить тему и легализовать работу. Только и всего».

«Не-ет, – пришла другая мысль. – Алексей бы не одобрил. У нас совершенно иная цель. Эх, Алексей, Алексей, светлая твоя голова. Будет очень печально, если я потеряю тебя. Ты был для меня не просто помощник, блестяще знающий физику, ты был, в первую очередь философом».

Незаметно для себя Илья Михайлович перешёл на мысленную беседу с Кедровым, как будто тот находился рядом, но по какой-то причине не мог говорить и только слушал.

«Нам с тобой не хватило времени совсем немного, мы сейчас так близки к открытию Истины и могли бы пойти дальше. Ты знал, куда и как надо двигаться, как убедить людей в существовании Высшего Разума».

Илье Михайловичу припомнился диалог, который состоялся между ними буквально перед уходом Кедрова в больницу. Тогда Алексей спросил:

– Илья Михайлович, а чем вы займётесь, когда докажете существование Души.

– Уйду на пенсию, и буду молиться Богу, как моя покойная бабушка Настя.

– А если серьёзно?

Вопрос Алексея застал профессора врасплох. Действительно, а что дальше? Раньше он как-то и не задумывался об этом. Для него было главным раскрыть тайну существования ДУШИ, определить её предназначение и связь во Вселенной.

– Хорошо, буду откровенен, – на лице профессора появилось тоскливое выражение. – Если уж произойдёт чудо и откроется перед нами Душа, то это всё благодаря тебе, Алексей. Мой удел биология, а Душа носит волновой характер, значит за её пределами – физика, и мне там делать нечего.

– Вы не правы, Илья Михайлович, – без промедления возразил Алексей. – Смею заметить, что человек – двойственное существо, и познать процессы, неизвестные сегодняшней науке, но происходящие в нём, можно только объединив усилия в двух направлениях: материальном и духовном.

Алексей в упор посмотрел в лицо Старостина и спросил:

– Многого вы добились, занимаясь исследованиями чисто биологических процессов?

– Конечно, мои результаты нельзя рассматривать, как дырку от бублика, кое-чего я всё-таки добился, но в твоих словах я слышу правду, – немного обидевшись, согласился Илья Михайлович и добавил:

– Но я уже буду ведомым, твоим помощником.

Кедров пожал плечами и неопределённо высказался:

– Отыщем Душу, а она уж сама нам подскажет, что делать дальше, кому быть ведомым, а кому ведущим.

– Позвольте поинтересоваться, уважаемый Алексей Васильевич, – переходя на официальное обращение, решил спросить Старостин. – Что вы имели в виду, когда заявили об объединении усилий в двух направлениях? В вашем видении будущей работы отсутствует слово «нам». Поясните, пожалуйста.

– Видите ли, Илья Михайлович, поработав с вами несколько лет, я сделал для себя любопытнейший вывод, – Кедров на секунду умолк и пристально посмотрел в лицо профессора.

– Какой же, если не секрет?

– Для такой работы, которую задумали мы...

– Вы, – ехидно улыбнувшись, поправил Старостин.

– Мы, – убеждённо повторил Кедров и продолжил, – Так вот, вывод прост и банален. Если работать в одиночку, объединив только наши с вами усилия, не хватит и двух жизней, а она у нас с вами, к большому сожалению, одна и та коротка.

– Что вы предлагаете? – несколько растерянно спросил Старостин. – Не торопиться, и когда подойдёт старость – передать результаты работы в случайные руки?

– Напротив, исследования необходимо ускорять.

– Но, каким образом, милейший? Работать ещё и по ночам? Если так, то в отличие от вас, холостяка, я женат, моя Наденька будет против такого решения, – не согласился профессор.

– Не пугайтесь, Илья Михайлович, к коммунизму мы

больше не стремимся, и устраивать трудовые авралы не будем.

– Тогда что же? – спросил Старостин в недоумении.

– Вам что-нибудь известно о масонстве?

– Обижаете, Алексей Васильевич.

– В таком случае, буду краток. Чтобы добиться большого успеха, нам нужно создать тайное научное общество, по подобию масонского, – уверенно сформулировал задачу Алексей. – Я больше, чем уверен, аналогичные мысли посещают не только мою голову. Судите сами: современное общество прогнило до такой степени, что уровень его духовности опустился до нуля, достиг критического значения. Глобальная экологическая катастрофа неотвратимо приближается. Властные структуры ничего не видят, ничего не слышат, бездействуют, а человечество уже находится в преддверии самоуничтожения. Целью создаваемого общества должно стать сближение науки и религии, – взволнованно закончил Кедров.

– Хорошая мысль, – восторженно поддержал Старостин своего ассистента. – Но почему такое общество должно быть тайным?

– Чтобы исключить преследования со стороны властей. Да и церковь, смею вас уверить, отнесётся к такому слиянию отрицательно. Человечеству нужна Новая Вера, не слепая, как сейчас, а способная объяснить всё, что происходит вокруг нас. Тогда верить во Всевышнего, в его могущество бу-

дет каждый.

– Уж не хотите ли вы составить соперничество с самим Иисусом Христом? – скептически заметил Старостин.

– Не следует передёргивать, Илья Михайлович. Не позволительно проявлять кощунство к Спасителю, – довольно жёстко отреагировал Алексей на вопрос профессора.

На этом их беседа закончилась.

«Кажется, ты прав, Алексей. Создать общество единомышленников – это как раз та ниточка, за которую нужно потянуть», – принял решение Илья Михайлович и несколько успокоился, но заснул он только под утро.

Глава 9

Таинственный остров.

Алексей пришёл в чувство утром. Открыл глаза и осмотрелся. Лежал на нарах, покрытых толстым слоем сена. Жилище, в котором он находился, представляло собой рубленую избушку небольших размеров. Маленькое оконце в стене давало мало света, и в убогом помещении стоял полумрак. В углу была установлена печь, сложенная из кубиков серого цвета, отдалённо напоминающих кирпич. Напротив – стол из тёсаной лиственницы, на нём расставлена разная утварь: чугунки, крынки, деревянные ложки и в завершение ко всему потускневший медный самовар. Вторые нары пустовали. На стене справа развешены травы, связанные в пучки. На полу камышовый половик. У входа висит длинный заячий тулуп.

«Жильё первобытного человека», – усмехнулся про себя Алексей.

Он встал и вышел наружу. В теле чувствовалась необычайная лёгкость. Представший перед глазами каменный утёс с зияющей расщелиной заставил вспомнить вчерашний день. Молниеносно пронзила мысль: «Как я очутился в избушке, если из каменного мешка не возвращался?»

И тут он увидел старика. Тот сидел на берегу узенькой речушки, сочившейся из-под скал. Дымился костёр, на тага-

не висел чугунок, в нём что-то варилось. Весенняя жизнь на чердынской земле только зарождалась. Зелень, опасаясь возможных холодов, очень робко пробивалась отдельными лоскутами, среди которых ещё виднелась чёрная жирная земля. В низинах скопились мутные лужи. В воздухе висел запах прелого прошлогоднего листа.

Алексей подошёл к Акиму, поздоровался. Старец отмолчался, словно глухонемой, продолжая помешивать в чугунке длинной деревянной ложкой. Губы Акима шевелились, очевидно, он что-то шептал или считал. Алексей присел на чурбачок рядом и терпеливо ждал, когда старик освободится.

Прошла минута, другая, а Леший не обращал на Кедрова внимания. Создавалось впечатление, что Аким впал в транс, не видя и не слыша в эти минуты ничего вокруг. Таинство затянулось, и было совершенно непонятно, когда оно закончится. Наконец, губы старика перестали шевелиться и крепко сомкнулись. Он вынул ложку из чугунка и положил прямо на землю.

– Ну вот, всё готово, – сообщил Аким совсем обыденно, будто приготовление неведомой пищи входило в его ежедневные обязанности. – Снимай чугунок и неси в избу.

Алексей заглянул внутрь посуды и с изумлением обнаружил, что там, кроме воды цвета тёмной ржавчины, ничего не было.

– Это что, чай или болотная жижа? – спросил он недоумённо.

– Отвар фиолетового цветка, – пояснил Аким. – Будешь пить по шесть глотков шесть раз в день.

Они вернулись к избушке и расположились за небольшим столиком.

– Есть хочешь? – поинтересовался старик и его взгляд, как шило, пронзил Алексея.

Ещё минуту назад Кедров ответил бы, не задумываясь, что кроме чая ему не нужно ничего, но обжигающий взгляд Лешего сотворил с ним что-то невообразимое: Алексей стал чувствовать, как изнутри совсем внезапно, постепенно усиливаясь, накатывает сильнейшее чувство голода.

– Да, причём нестерпимо, – признался он, поражаясь своему неожиданному состоянию.

– Очень хорошо, – подвёл итог Аким чему-то, одному ему известному.

Алексей встал, и хотел было отправиться за продуктами, которые прихватил с собой, но Аким остановил его.

– Не нужно. Выпьешь отвар, и голод отступит.

– А ты? – вырвалось у Алексея непроизвольно. – Чем завтракаешь ты?

– Я уже насытился, – хитро улыбнулся старик.

Он отлил из чугунка жидкость в берестяную кружку, приподнял её высоко над столом и принялся переливать отвар в другую, точно такую же. Тоненькая струя, закручиваясь в спираль, шумно ударялась о дно. Так Аким проделал шесть раз.

– Пей, – приказал он Алексею. Тот поднёс кружку ко рту, понюхал. Жидкость не источала никакого запаха. Это было немного странным, поскольку любая трава, используемая в качестве заварки, всегда имеет какой-нибудь определённый запах. Алексей отпил глоток и почувствовал незнакомый привкус. Он мог поклясться, что вкусовые качества напитка не напоминают ему, хотя бы отдалённо, ни одну из жидкостей, испробованных им когда-либо. Сделав шесть глотков, Алексей поставил кружку на стол и стал ждать дальнейших распоряжений. Аким долго молчал, внимательно вглядываясь в лицо Кедрова. Потом, мягко опустив руку на его плечо, озабоченно спросил:

– Ну как, легче стало?

Алексей утвердительно кивнул. Насыщение наступило очень быстро. Аким посмотрел куда-то в пустоту и раздумчиво произнёс:

– Очень жаль, что только избранные могут использовать чудесные свойства фиолетового цветка. – Предвидя напрашивающийся вопрос, пояснил, – Этот цветок произрастает только здесь и нигде больше. А сюда, как видишь, могут прийти лишь те, кого позову я.

– И сколько человек посетили это место?

– Ты – первый, для кого цветок стал необходим, – ушёл от прямого ответа старик.

– В чём ценность этого растения? – полюбопытствовал Алексей с недоверием.

– Ценность говоришь? – Аким на мгновение задумался, размышляя над тем, как правильнее следует ответить, чтобы ответ не показался гостю ошеломляющим.

– Фиолетовый цветок содержит в себе бактерии внеземного происхождения, клеточных инженеров, ниспосланных на Землю. Они способны вызвать изменения в ДНК человека.

Алексей раскрыл рот от удивления. Услышать от старика такую информацию было полной неожиданностью. Аким воспринимался им как человек-отшельник, знахарь, имеющий определённый дар целителя. Наконец, просто Леший.

– Я так и думал, что ошеломлю тебя своими познаниями, – усмехнулся Аким, – Но учти: это только начало, цветочки, так сказать, а все ягодки впереди.

Алексей не проронил ни слова и стоял, напряжённо сдвинув брови. Сказать ему было просто нечего. От старика не ускользнуло замешательство гостя, и он не стал ждать вопросов.

– Следуй за мной, – приказным тоном проговорил Аким и вышел из-за стола. – Я покажу тебе остров Истины, он поможет разобраться кое в чём самостоятельно.

– Совершим захватывающую экскурсию? – пошутил Алексей.

Старик не ответил и как при первой встрече пошёл впереди, поражая гостя необычной ходьбой.

– Аким, что произошло со мной вчера? – задал Алексей вопрос, мучивший его с момента пробуждения.

– Почему ты решил, что это событие вчерашнего дня? – усмехнулся Леший.

– Потому что в расщелину мы вошли задолго до полуночи, а сознание я потерял минут через десять, не более того.

– Всё так и было, но не вчера, – твёрдо заявил хозяин острова. – Ты пробыл в состоянии каталепсии ровно шесть суток, – добавил он. – И ровно шесть раз твоя душа покидала тело.

– В каком состоянии? – переспросил Алексей, пытаясь отыскать в памяти значение слова «каталепсия».

– В состоянии мнимой смерти, – пояснил Аким и, улыбнувшись, спросил:

– Неужели профессор Старостин ни разу не употреблял этот термин?

Вопрос Лешего сразил Кедрова наповал.

– Ты знаком с Ильёй Михайловичем? – пробормотал он в растерянности.

– Нет, не приходилось встречаться, но тема вашей совместной работы известна мне доподлинно.

– Вот как, – ещё больше поразился Алексей, удивляясь осведомлённости старика.

– Не утруждайся, – хмыкнул Аким. – Не мучайся в догадках – никто в вашу лабораторию шпионов не засылал. Всё гораздо проще: у меня была другая возможность получить сведения.

Алексей растерялся окончательно. Некоторое время он

шёл молчаливо, не зная, что и подумать о загадочном обитателе острова, а когда созрел для продолжения диалога, старик неожиданно разразился радостным возгласом:

– А вот и наш красавец! – Аким резко свернул в сторону и, сделав несколько шагов, остановился у молодого разлапистого кедра.

Нижние ветви, словно оберегая от возможных посягательств, прикрывали прекрасный цветок. Он рос в гордом одиночестве, поражая взгляд каким-то едва уловимым траурным величием. Большой тёмно-красный бутон с синим отливом по краям, изогнув спиралеобразный стебель, в скорбном поклоне пригнулся к земле.

– Что кручинишься, дитя Всевышнего? – обратился старик к цветку, как к разумному существу. Кедров мог поклясться, что бутон вздрогнул. Не поверив в происходящее, Алексей оглянулся по сторонам. Кругом было тихо и безветренно, ни один стебель прошлогодней травы ни разу не шелхнулся.

«Померещилось», – тут же оправдал он себя.

Аким тем временем встал перед цветком на колени и продолжил диалог:

– Знаю, знаю, что век твой короток, но на всё воля Божья. Твоя судьба предначертана Творцом, ты один такой на Земле и нет тебе равных соперников. Единицам предоставляется возможность полюбоваться твоей красотой и узнать, насколько велико твоё предназначение.

Аким нежным прикосновением ладони провёл по бутону, поднялся с колен и, повернувшись к Алексею, заговорил совершенно иным языком.

– Этот цветок уникален, он спас тебя от смерти. Болезнь имела особую вирулентную форму – раковые клетки размножались с невероятной скоростью, делились каждые 20 часов. Мне пришлось умертвить тебя, чтобы приостановить необратимый процесс.

– Я был мёртв? – поразился Алексей.

– Да, каждый день по шесть часов ты находился в состоянии клинической смерти.

– Аким, а тебе не кажется, что всё, о чём ты сейчас сказал, больше похоже на сказку?

– Нет, – ничуть не обидевшись, отрезал хозяин острова.

– Извини, но любому студенту-медику известно, что предел клинической смерти 5-6 минут, после него мозг человека уже не способен восстановить свои функции.

– Всё так бы и произошло, если бы я не применил сок фиолетового цветка. Это он сотворил чудо и восстановил обменный процесс в организме.

– Звучит так, будто есть иное объяснение клинической смерти, – усмехнулся Алексей.

– Видишь ли... – медленно начал Аким, – У нас с тобой разные понятия о жизни и смерти. Ты вырос на идеях материализма и не знаком с концепцией бессмертия. Поэтому поверь мне пока на слово. Придёт время, и Великая Тайна

откроется для тебя. Конечно, если ты будешь следовать моим советам.

Старик последний раз взглянул на чудо-цветок и двинулся дальше. Отшагав около полусотни метров, остановился и, взглянув в лицо Алексея, хмурясь, пробурчал:

– Направь свои мысли в другое русло, не трудись найти научное объяснение – напрасно, зайдёшь в тупик. А чтобы хоть как-то развеять твои сомнения, скажу: ты находился в пещере, где привычный для тебя мир соприкасается с иным, недоступным пока для твоего понимания.

Алексей Кедров, боевой офицер, без пяти минут кандидат наук, как-то вдруг сник и почувствовал свою никчёмность перед Акимом. Старик читал его мысли и всё, о чём думал Алексей, было под контролем. Стало тоскливо, беспокойно и до жути тревожно.

– Понимаю, – сказал Аким, – Осознать то, о чём я говорю – очень нелегко.

Старик разгладил бороду, тяжело вздохнул и задумался.

– Я мыслю терминами, которые кажутся тебе пока фантастическими, но наступит время, и ты будешь считать их уже устаревшими. Всё это будет потом, а сейчас, Лёша, – Аким впервые назвал своего гостя уменьшительным именем, – пойдём дальше, экскурсия по острову только начинается. Кто я и откуда, ты узнаешь очень скоро.

– Хорошо, пусть будет по-твоему, – сухо произнёс Алексей и, как провинившийся подросток, покорно поплёлся за

Лешим.

«Чудеса в решете», – мелькнуло у Алексея, и ему в очередной раз показалось, что всё происходит во сне. Однако сон не таял, как утренний туман, а чудеса продолжались.

– Ровно через два месяца перед тобой откроются многие тайны, ты станешь обладать необычайными способностями, – мимоходом обронил Аким.

– Зачем мне всё это? – попытался воспротивиться Алексей. – Я пришёл сюда с другой целью. Как только наступит полное выздоровление – мои ноги понесут меня в обратном направлении. Могу взять тебя с собой.

– Не-ет, – протянул Леший. – Моё место здесь, но и ты, поверь мне, не захочешь возвращаться, – уверенно заявил он.

– Уж не заколдуешь ли ты меня?

– Хороший вопрос, – расплылся в улыбке Аким. – Нет, колдовские чары применяться не будут. Познав Истину, ты сам откажешься от прежней жизни. Старый мир – злобный и безнравственный, станет для тебя неприемлемым.

Аким хитро сощурился и, глядя на хмурого Алексея, заинтересовался:

– Ты никогда не задумывался над датой своего рождения?

– А что в ней особенного? Дата как дата, – Алексей в недоумении пожал плечами.

– Не скажи-и, три шестёрки – больша-ая редкость, – старик с шумом втянул в себя воздух через нос. – Только один

раз в сто лет Творец создаёт души с такими параметрами. Всего тридцать шесть дней в году. И раз в десять лет идет небольшое пополнение – три дня в июне месяце. Ты пришёл на Землю в один из таких дней.

Аким пошагал дальше. Он молчал до тех пор, пока они не подошли к едва заметной тропинке, ведущей на вершину. Здесь Аким остановился, переводя дух от быстрой ходьбы.

– Ну и что ты умолк? – не выдержав длительной паузы, заговорил Алексей. – Давай, шпарь свою легенду о трёх шестёрках, а то скучно как-то.

– Ладно, – согласился старик. – Слушай.

Он посмотрел куда-то вдаль, уходя на некоторое время в свои мысли, и начал издали:

– Да будет тебе известно, что число шесть – это символ человека. Оно участвует в мироздании. Бог сотворил человека на шестой день. Это число является священным числом Логоса – мысли, разума, всеобщей закономерности, духовного начала и совершенствования. И образ человека Бог связывает с числом шесть – две руки, две ноги, голова и туловище. Нимб Богородицы имел форму шестиконечной звезды, а Серафимы – ангелы, особо приближённые к Богу – имели по шесть крыл: двумя закрывали своё лицо, двумя закрывали свои ноги и двумя летали.

Всё это Аким произнёс на одном дыхании, и голос его был мягок и вкрадчив. Алексей стоял неподвижно и терпеливо слушал. Его глаза не горели от любопытства, он просто не

мог понять, куда же клонит Леший, рассказывая с большими подробностями о числе шесть.

– Я вижу, тебе неинтересно слушать меня? – озадаченно спросил старик.

– Отчего же, совсем наоборот, – соврал Кедров, забыв на мгновение, что его рассказчик обладает способностью читать чужие мысли.

Но старик и не думал читать мысли собеседника, он настолько увлёкся повествованием о числе «шесть», что поверил Алексею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.